

С-67

Ю. СОТНИК

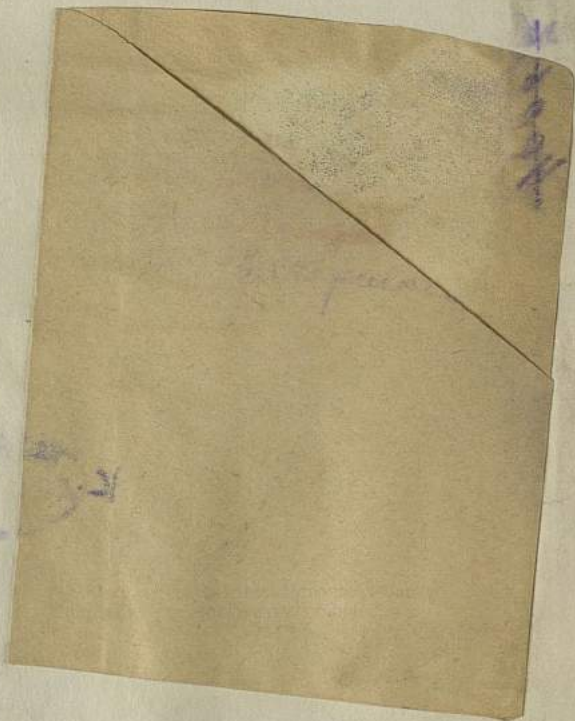
РАССКАЗЫ

ДЕТГИЗ · 1951

79

8-10-1

10-10-1

с-67

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

Ю. СОТНИК

РАССКАЗЫ

Рисунки В. Горячева

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1951 Ленинград

59

695259 кх рср
Российская государственная
детская библиотека

НЕВИДАННАЯ ПТИЦА

По тропинке шёл мальчик, глядя над обрывистым берегом реки, шли с удовольствием трое ребят. Впереди шагал Васька в отцовской шинели, просторным балахоном свисавшей до самых пят, и в пилотке, сползавшей на нос. За ним шёл Дима — сын врача, который снимал комнату у Васькиного отца. Сзади всех, придерживая у подбородка край накинутаго на голову тёплого платка, семенила младшая Васкина сестрёнка Нюша.

Солнце зашло недавно, однако было темно, как

но́чью, потому́ что не́бо закрыва́ли густы́е клубя́щиеся ту́чи. Изредка и не надолго ту́чи разрыва́лись, и в образова́вшийся просве́т прогля́дывали зеленова́тое не́бо и бле́дные звёзды. Вре́мя от вре́мени набегáл ветеро́к, и тогда́ большо́е ржаное́ по́ле справа́ от тропи́нки глу́хо шелесте́ло коло́сьями.

Сле́ва, под обрыва́м, поблёскивала́ река́, а за ней, на низком берегу́, почти́ у са́мой воды́, топо́рщился чёрный лес.

— Полпути́ прошли́, — не оборо́чиваясь, сказа́л Ва́ся. — Тепе́рь ещё ме́тров триста́ и — вниз, а там тако́й омут, что ахнешь.

— Тако́й омут... мне аж с ру́чками, — подтверди́ла Нью́ша.

Ди́ма шёл, зажа́в удо́чки подмышко́й, су́нув ру́ки в карма́ны се́рого пальто́. Вид у него́ был со́нный, недово́льный.

— Глу́по! — сказа́л он зевну́в.

— Чего́? — оберну́лся Ва́ся.

— Глу́по было́ так ра́но выходи́ть. Могли́ бы поспа́ть до полу́ночи.

— Ранова́то, коне́чно, зато́ у костра́ посиди́м и са́мую зорьку́ заста́нем. У нас зна́ешь кака́я ры́ба? Если на са́мой-са́мой зорьке́ приде́шь — килогра́мма три налови́шь, а чуть со́лнышко показа́лось — и как отрэ́зало, не клюёт.

— Ну, насче́т трёх килогра́ммов э́то вы, Ва́сечка, того́... немно́жко хвата́ли.

— Ну, три не три, а зна́ешь, ско́лько я про́шлый раз налови́л? Во́семь штук вот таки́х ерше́й да ещё две плоти́чки.

— Так бы и говори́л «во́семь ерше́й». А то — три килогра́мма! Лю́бишь ты фантази́ровать!

Ва́ся бо́льше не спо́рил. Он замедли́л шаги́ и приглуше́нно сказа́л:

— Ньюшк!

— А?

— Пока́жем Дѣмке то мѣсто?

— Ага! Дѣмка, сейча́с мы тебѣ тако́е мѣсто пока́жем!.. Ты пра́мо умре́шь со стра́ху.

— Како́е мѣсто?

— Уви́дишь... Ва́ська, ниче́го ему́ не говори́!

Ва́ся проше́л еше́ немно́го и вдруг остано́вился.

— Тут, — сказа́л он шопотом.

На том берегу́ у са́мой воды́ росли́ две большіе коря́вые ветлы́. За ни́ми видне́лась лужа́йка, отло́го спуска́вшаяся к реке́, а в конце́ лужа́йки, наполови́ну закр́тые вѣтлами, не́ясно беле́ли стѣны́ большо́го до́ма.

Ню́ша крѣ́пко держа́лась за рука́в Де́миного пальто́:

— Стра́шно как!.. Вот уви́дишь.

Ва́ся подоше́л к ним побли́же. Его́ лицо́, ова́льное, с но́сом, похо́жим на кно́пку, бы́ло о́чень серье́зно.

— Слу́шай! — шепну́л он и, набра́в в лёгкие во́здуху, кри́кнул: — Эй!

— Эй! — послы́шалось с того́ бе́рега, да так гро́мко, что Де́ма вздро́гнул.

— Эй! — донесло́сь еше́ раз, но уже́ глу́ше, отда́ленней.

— Эй! — отозва́лось гдѣ-то совсе́м дале́ко.

— Стра́шно, да? — спроси́л Ва́ся.

Де́ма пожа́л плеча́ми.

— Стра́шного ниче́го нет... — нача́л бы́ло он и осе́кся.

— ...а́шного ниче́го нет, — отче́тливо сказа́л про́тивополо́жный бе́рег.

— ...ниче́го нет, — проката́лось в конце́ лужа́йки.

— ...че́го нет, — за́мерло вда́ли.

Дима помолчал и продолжал, на этот раз шопотом:

— Обыкновенное эхо. Отражение звука.

— Сам знаю, что отражение, а всё-таки боязно. Будто кто-то в развалинах сидит и дразнится.

— В каких развалинах?

— А вон там. Видишь, белые? Там санаторий был, а в сорок первом его разбомбило: фашист не долетел до Москвы и все фугасы тут побросал.

— Восстанавливают его?

— А что восстанавливать? Только две стены остались.

— Говорят, новый построили. В другом месте, — добавила Нюша.

Ребята помолчали. Никому больше не хотелось тревожить эхо. Над рекой стояла мёртвая тишина.

— Идём? — прошептал Вась.

— Пошли! — ответил Дима, но ребята не успели двинуться с места.

Нюша случайно оглянулась на ржаное поле, колосья которого сливались вдаль в темносерую муть. Мальчики заметили, что глаза у Васиной сестрёнки странно расширились. Взглянули и они в ту сторону, куда смотрела Нюша. Взглянули — и на мгновение оцепенели.

Над рожью по направлению к ним, быстро увеличиваясь в размерах, неслась какая-то тень. Прошло не больше секунды. Нюша тихонько вскрикнула и присела, мальчики, словно по команде, припали к земле.

В каких-нибудь трёх метрах от ребят пролетела огромная, невиданная птица. Распластав в воздухе чёрные крылья, она мелькнула над тропинкой, бесшумно скользнула над рекой и скрылась в тёмной листве одной из ветел, что росли на противоположном

берегú. Оттуда донёсся лёгкий шóрох, потóм всё стíхло, как бúдто ничегó и нé было.

Очень дóлго ребя́та боя́лись шевельну́ться. Ню́ша сидéла на кóрточках, закрýвши́сь платко́м. Ма́льчики стоя́ли на ко́лénях, опира́ясь на лóкти, пригну́в го́ловы к землé. Лишь мину́ты че́рез две Ню́ша тíхо прошепта́ла:

— Ва́ся!.. Ой, Ва́ся!.. Что э́то тако́е бы́ло?

Ва́ся осторо́жно приподня́л го́лову, попра́вил пи́лóтку.

— Дíма... Вíдел?

Тот мо́лча кивну́л голово́й.

— Пти́ца, да?

Не меня́я по́зы, Дíма пожа́л плеча́ми.

— На ту ветлу́ сéла. Да?

Дíма о́пять кивну́л.

Ва́ся ме́дленно ви́прямился, но продо́лжа́л сто́ять на ко́лénях. Все трóе смотре́ли на ветлу́ за реко́й. Одна́ко в те́мной листьé её ничегó невозмо́жно бы́ло разглядéть.

— Орло́в таки́х не быва́ет, — сно́ва зашепта́л Ва́ся. — И журавлéй таки́х не быва́ет: ка́ждое крыло́ бо́льше ме́тра!

— Тако́й... то́лько э́тот... ко́ндор быва́ет, — сказа́ла Ню́ша.

— Кто?

— Ко́ндор. По́мните, в «Де́тях капита́на Гра́нта»? Как он мальчи́шку унёс...

Все о́пять умо́лки. Вётлы на том берегú бы́ли со́верше́нно неподви́жны, и оттуда́ не доно́силось ни зву́ка.

— Прита́йлась. Висма́тривает нас, — прошепта́л Ва́ся.

Дíма припа́л ещё ни́же к землé и попо́лз в том на́правле́нии, отку́да о́ни пришл́и. За ним попо́лзла́ Ню́-

ша, скребя́ зѣмлю носка́ми ма́леньких сапо́жек, за Нью́шей — Ва́ся, пу́таясь в своѣй шинѣли.

Пило́тка о́пять съѣхала Ва́се на глаза́. Он на-
ткну́лся ли́цом на ку́стик репе́йника и вскри́кнул.

— Ой! Ой! Ой! — три́жды отозва́лось за ре́чкой.

Все тро́е вскочи́ли, сло́вно подбро́шенные, и по-
мча́лись вдоль обры́ва.

Ме́тров три́ста, е́сли не бо́льше, бежа́ли ребя́та, пока́ не очути́лись на у́лице ма́ленькой дере́вущки, у
воро́т свое́го до́ма. Остано́вившись, онѣ до́лго не про-
износи́ли ни сло́ва. Все тро́е то́лько тем и занима́лись,
что дыша́ли. Дѣ́ма обма́хивался кѣпкой, Нью́ша маха́-
ла припо́днятым над голо́вой кра́ем платка́, Ва́ся вы-
тира́л ли́цо пило́ткой. Вздо́кшие све́тлые во́лосы его́
торча́ли вихра́ми во все сто́роны.

— Глу́по! — сказа́л наконѣ́ц Дѣ́ма.

— Че́го глу́по?

— Ко́ндоры в Со́ветском Сою́зе не во́дятся.

— А что же э́то тогда́ за пти́ца?

— Та́кие больш́ие пти́цы у нас вооб́ще не во́дят-
ся, — реши́тельно сказа́л Дѣ́ма.

Ва́ся при́стально смотре́л на него́:

— Димк!

— Ну?

— А вдруг э́то взапра́вду ко́ндор? Случа́йно зале-
те́л...

— Чепуха́! Та́ких случа́йностей не быва́ет.

— А вдруг... вдруг э́то во́все неизве́стная пти́ца!..
Подстре́лить бы её, а? Вдруг э́то для нау́ки тако́е
значѣ́ние, что... — Ва́ся помолча́л, сло́вно к чему́-то
прислу́шиваясь, и вдруг бро́сился в калі́тку: — Пого-
дите! Я сейча́с.

Верну́лся он ско́ро. В рука́х его́ бы́ло отцо́вское
двуство́льное ружьѣ́, вме́сто шинѣли был на́дет ста-
ре́нький пиджачо́к с ку́цыми рука́вами. Пило́тку он

оста́вил до́ма. Он подбежа́л к Дíme и раскры́л перед его́ но́сом ладо́нь, на кото́рой поблёскивали две ме́дные гильзы:

— Во! Жаль то́лько, что бекаси́нник. Пошли́, попыта́емся, а?

Дíма отодвину́лся от него́ на шаг:

— Что «попыта́емся»? Что ты ещё вы́думал?

— Подстре́лим её, пти́цу эту. Вдруг — нау́чное значе́ние! Пошли́?

Ба́ся зашага́л по направле́нию к око́лице. Ню́ша и Дíма о́чень неохот́но двину́лись за ним.

— Ба́ська, чего́ ты вы́думал! Никуда́ я не пойду́, — сказа́ла Ню́ша.

— И не ходи́. Мы с Дímкой вдвоём...

— Со мной? Ну нет! Я не тако́й дура́к.

Ба́ся остано́вился:

— Не пойдёшь?

Дíма пожа́л плеча́ми:

— Что я там не ви́дел? Ду́маешь, о́чень интере́сно гоня́ться за како́й-то пти́цей, кото́рая давно́ улетела́?

— А е́сли не улетела́? Если у неё гнездо́ на той ветле́?

— А е́сли нет гнезда́?

— В лесу́ пойду́ иска́ть.

— А е́сли не найдёшь?

— А е́сли найду́?

— А е́сли и найдёшь, всё равно́ дробью́ не застре́лишь. То́лько разо́злишь её, она́ тю́кнет тебя́ клю́вом по голо́ве, вот тебе́ и капу́т.

— Ну и пусть капу́т! Зна́чит, поги́б за нау́ку.

— Все́ геро́я из себя́ ко́рчишь, да? А хочешь знать: мо́жет, это́ са́мая обыкнове́нная пти́ца. Мо́жет, нам то́лько показáлось, что она́ така́я больша́я.

— Так всем сразу́ и показáлось?

— А что ты думал? Бывают оптические обманы.

— Ну тебя! С тобой говорить-то... — Вáся махнул рукой и быстро зашагал.

Нюша побежала рядом с ним.

— Вáся, я пойду́, то́лько я бли́зко подходи́ть не буду. Ла́дно?

Дима постоял с мину́ту на ме́сте, пожа́л плеча́ми.

— Глупо! — сказа́л он гро́мко и поплёлся вслед за уходя́щими ребята́ми.

* * *

И вот началась охота на невиданную птицу.

Идя по тропинке над обрывом, Нюша всё время повторяла: «Вáся, я бо́льше не пойду́, я бою́сь», но всё-таки шла всё да́льше и да́льше.

Немного не доходя до того́ ме́ста, где ребята́ впервые уви́дели пти́цу, Вáся вспомни́л, что ещё не заря́дил ружьё. Он остано́вился, обтёр рукаво́м гильзы и вложи́л их в кана́лы стволо́в. Запира́я ружьё, он тяжело́ вздохну́л:

— Бекаси́нник! Ра́зве бекаси́нником таку́ю убьёшь!..

— Вáська, я бою́сь, не ходи́! — прошепта́ла Нюша.

Вáся топта́лся на ме́сте, тоскли́во озира́ясь по сторона́м. Тучи ста́ли ещё плотне́е. Лес за реко́й ка́зался черне́е, гу́ще и река́ под обрывом — глۇ́бже и холодне́е.

— Стой тут. В слۇ́чае чего́, в рожь спря́чься, — тихо сказа́л Вáся и двину́лся вперёд, вы́ставив перед собо́й ружьё. Пройдя́ не́сколько шаго́в, он оберну́лся: — Нюшк!

— А?

— Если со мной что случи́тся, ты в шко́ле скажи́: так, мол, и так...

— Васька, ну тебя!.. Васька, не ходи! — плаксиво начал Нюша, но Васька даже не оглянулся.

Сзади, метрах в пятидесяти от Нюши, смутно маячила фигура Димы.

— Глупо! — негромко донеслось оттуда.

— Тише ты там! Какой-то!.. — прошипела Нюша.

...Вот и знакомые ветлы на том берегу, поляна за ними, белые пятна развалин... Васька задержал дыхание, прислушался.

Ни звука.

Васька поднял ружьё, прицеливаясь в ветлу, потом опустил его, облизнул губы и снова прислушался.

Послышался шорох. Васька резко обернулся: совсем близко от него среди колосьев торчала Нюшина голова. Она прошептала своё обычное: «Васька, я боюсь!» Зато у Васьки прибавилось храбрости. Он опять прицелился и громко крикнул:

— Эй!

Эхо трижды повторило его крик и затихло. Ветлы на том берегу не шелохнулись.

— Эй! — снова крикнул Васька.

Всё было попрежнему спокойно.

— Улетела, — сказала Нюша.

Васька подошёл к самому краю обрыва, прыгнул и съехал по крутой песчаной осыпи на довольно широкий пляж. Не выпуская ружья из рук, он снял всю одежду и пошёл к воде. В это время наверху послышались шаги. Васька оглянулся: над обрывом сидела на корточках Нюша, а возле неё стоял Дима.

— Ну, что я говорил тебе? Говорил, что ничего не получится? Говорил?

— Здесь не получилось — в лесу поищу, — буркнул Васька и пошёл через речку вброд.

— Васька! Васька! — тихо позвала Нюша.

«Охотник» остановился.

— Вáся, а вдруг она́ это нарóчно?.. Вдруг сидит на дéреве и вѣду не подаёт, а потóм как выскочит...

Вáся постоял, подумал, затѣм очень бѣстро, но бесшумно верну́лся на бѣрег.

Дѣма тихóнько засмеялся:

— Что ж ты выскочил? А ещё геро́й!

Вáся не отвѣтил. Ню́ша и Дѣма вѣдели, как он ходит по песку́, высмáтривая что́-то у себя́ под нога́ми. Ско́ро он нашёл сухую́ коря́гу, по́днял её, бро́сил в ветлу́ и тут же вскинул ружьё. Послы́шался плеск: тяжёлая коря́га, не долетѣв до дéрева, упáла в вóду. Вáся нашёл то́лстую корóткую па́лку. Вот он взвѣсил её в руке́... прицѣлился, размахну́лся... швырну́л...

— Ма́ма! — пи́снула Ню́ша.

— Ой! — ба́сом кри́кнул Дѣма.

Онѣ увидели, как большáя тень отдели́лась от ветлы́ и, бѣстро снижа́ясь, опи́сывая круту́ю дугу́, понесла́сь над реко́й. Внизу́ блесну́л красновáтый огонё́к, грóхнул вы́стрел, раскáтами прокатѣвший по тому́ бѣрегу. Пти́ца взмы́ла вверх, перекувырну́лась в вóздухе и помча́лась пря́мо на ма́ленькую тѣмную фигу́рку, засты́вшую с припо́днятым ружьём.

— Ма́-ма! — протя́жно закрича́ла Ню́ша.

Сно́ва огонё́к, сно́ва грóхот... Пти́ца подпры́гнула в вóздухе и... на глаза́х у изумлѣнных ребѣ́т распáлась на куски́.

Пе́рвой пришла́ в себя́ Ню́ша. Она́ пры́гнула на осы́пь, съѣхала по ней и подошла́ к Вáсе. То же сде́лал и Дѣма.

Около Вáси па́хло поро́хом. Да́же в темноте́ было́ вѣдно, что лицо́ его́ соверше́нно мо́кро от по́та. Он стоя́л неподви́жно, ча́сто дыша́л.

Ню́ша трóнула его́ за руку́:

— Вáся... Чего́ ты? Испугáлся, да?

— Ага! — промычал тот и, глотнув слюну, спросил: — Что это было?

Дима отошёл в сторону и поднял один из кусков, на которые распалась «птица». Это был продолговатый плоский предмет, длиной чуть побольше метра. С минуты Дима вертел находку в руках. Потом он сел на песок и расхохотался, обхватив колени руками, раскачиваясь вперёд и назад.

Вася и Нюша приблизились к нему:

— Димка, ты что?

Дима захохотал ещё громче.

— Герой! — взвизгнул он, указывая пальцем на Васю. — Охотник! Ты... ты знаешь, что подстрелил? Модель! Авиамодель подстрелил! — Он повалился на спину и принялся болтать в воздухе ногами.

* * *

Прошло полчаса. Никто из ребят больше не думал о рыбной ловле. Они притащили Васин охотничий трофей в деревню и теперь рассматривали его на застеклённой веранде у Димы, отец и мать которого были сегодня в Москве.

На столе под яркой керосиновой лампой лежали большой, чуть ли не в рост человека, фюзеляж¹ и крыло обтекаемой формы. То и другое было сделано из множества тончайших планочек и папиросной бумаги, покрытой синим лаком. Хвостовое оперение модели сохранилось, но передняя часть фюзеляжа была вся измочалена дробью. Немногим лучше выглядело крыло, из которого среди лоскутков бумаги торчали сломанные планочки. Второго крыла ребята не нашли. Должно быть, его отбросило в реку и унесло течением.

— Так-с! — проговорил Димка, заглядывая внутрь

¹ Фюзеляж — здесь: основа планёра.

фюзеляжа. — Резинки нет — значит, это планёр. Фюзеляжная модель планёра.

— Откуда она к нам-то попала? — спросил Вась.

— Хотите знать, откуда она прилетела?.. Со все-союзных авиамодельных соревнований. Вы в газетах читали?

— По радио слышал. А где они идут, эти соревно-вания?

— Не очень уж далеко. На станции С*** по нашей дорожке.

— А ты почему знаешь?

— Отец рассказывал, вот почему. Он из вагона видел, как они над аэродромом летают. — Дима прошёлся по веранде. — Ты понимаешь, что надёдал? Эта модель около двадцати километров пролетела. И это только по прямой. Может быть, она мировой рекорд поставила, а ты её раздолбил!

Вась стоял, опираясь о ружьё, стволы которого почти касались его подбородка. Он обескураженно поглядывал то на Диму, то на исковерканную модель.

— Вась, а тут чего-то написано, — сказала Нюша и ткнула пальцем в фюзеляж.

Дима и Вась подошли поближе к столу.

К фюзеляжу был приклеен бумажный ярлычок. Большая часть его была сорвана, а на сохранившемся кусочке можно было прочесть отпечатанные на машинке слова:

«... дель № 112.
... росим вернуть.
... соавиахима».

— Ясно! — сказал Дима. — Тут было написано: «Модель № 112. Нашёдшего просим вернуть туда-то».

— А если я не верну? — спросил Вась.

— Тогда, значит, ты нечестный гражданин. Может, конструктор над этой штукой полгода работал... Может, она мировой рекорд поставила... А если ты не вернёшь — всё это пропало.

Лицо у Вáси было очень несчастное.

— Как же... как же я её повезу, такую изуродованную?

Дíма усмехнулся:

— Это уж дело ваше. Не я на неё охотился, а ты...

Вáся долго молчал, исподлбья глядя на Дíму.

— Попадёт, да? — угрюмо сказал он.

— Уж конечно, по головке не поглядят. Такую прекрасную модель разбить!

Вáся судорожно глотнул:

— А если не повезу... если не повезу — может, и в самом деле у них рекорд пропадёт?

Дíма пожал плечами:

— А ты как думал?

— Димк!

— Что прикажете, товарищ герой?

— Димк!.. А ты бы не отвёз, а?

— Я? Ну нет! Если сам поедешь, я тебя, так и быть, провожу, чтобы ты не растерялся. А отдуваться за тебя... Нет уж, спасибо!

— Димк! А ты никому не скажешь на аэродроме?

— О чём не скажу?

— Ну, что это я её так... Мы знаешь что скажем? Будто мы её так нашли, уже сломанную.

— Ладно уж! Не скажу.

* * *

На следующий день, примерно около часа, Дíма и Вáся прибыли в электричке на станцию С***.

Оба перед отъездом из деревни надели белые-пре-

695259

бѣлые рубáхи, красные гáлстуки и тщáтельно отутю́женные брíoки. Солóменные Вáсины вóлосы бýли смóчены, расчёсаны на пробóр и держáлись в тáком положéнии довóльно снóсно, за исклyчéнием двух вихрów, поднйáвшихся над ушáми.

Выйдя из электрй́чки, ребя́та увидели почти́ у сáмой желёзной дорóги нёсколько большй́х брезéнтовых палáток, а за палáтками — ряд учéбных самолётов.

Мáльчики направй́лись в ту стóрону. Вáся тащй́л завёрнутый в нёсколько газёт фюзеля́ж. Вид у «охóтника» был тáкой, слóвно он идёт к зубнóму врачý. Дй́ма, наоборот, был вёсел и шагáл бóдро, держá подмышкóй обёрнутое газéтой крылó.

Вóзле ворóт их остановй́л парнй́шка с красной повязкóй на рукавё. Дй́ма обья́снил е́му, зачём онй́ приехали.

— В штáбе никогó сейчáс нет, — сказáл парнй́шка. — Идй́те на пóле, там спрóсите планёрный старт.

Ребя́та вошлй́ на аэродрóм.

День был я́сный, солнечный. То здесь, то там на ширóком пóле колыхáлись голубы́е флажки́ с бёлыми бýквами на полóтнищах. Кáждый тáкой флажóк обозначáл мёсто зáпуска моделей́ определённого клáсса, и вóзле кáждого фла́жка мóжно бýло насчитáть нёсколько десятков авиамодели́стов. Здесь звучáла и рýсская речь, и эстóнская, и узбёкская, и украинская... Тут бýли студёнты и студёнтки, воённые, мáльчики и дёвочки в пионёрских гáлстуках, тут бýли и пожилы́е лóуди, котóрые годй́лись в отцы́ ётим мáльчикам и дёвочкам. Однй́ кудá-то спешй́ли, несй́ в рукáх красй́вых птиц, пострóенных из плáночек и папирóсной бумáги, другй́е пóлзали на животáх и на колёнях по корóткой травё, чтó-то нала́живая в свой́х хрýпких аппара́тах,

трётью стояли, подняв лица к высокому небу, следя за полётом моделей.

Над головами ребят с лёгким стрёкотом проносились миниатюрные самолёты с резиновыми моторчиками, бесшумно парили модели планёров всех цветов, форм и размеров. Один такой планёр, снижаясь, клюнул Диму в затылок. В другой раз товарищам пришлось удирать от модели с бензиновым мотором, которая закапризничала и, свирепо треща, принялась носиться кругами над самой землёй.

Дольше всего ребята задержались возле флажка с буквой «С» на полотнище. Здесь стартовали «схемки» — самые простенькие модели, у которых фюзеляж заменён четырёхгранной планочкой. Одна из девочек, с виду чуть постарше Нюши, подняла над головой неказистую «схемку» и, придерживая пальцами пропеллер, обернулась через плечо:

— Иван Андреевич, засекайте мне.

Стоявший у флажка человек нажал кнопку секундомера. Девочка выпустила модель, и та очень быстро набрала высоту. Девочка побежала по полю вслед за улетающей «схемкой». Сначала за моделью следил только человек с секундомером. Но та летела всё дальше и дальше, девочка упорно бежала за ней, и авиамоделисты, бывшие на старте, один за другим подымали головы, начинали следить за полётом. Когда модель стала чуть заметной точкой, а девочка — маленьким пятнышком, человек с секундомером припал к окулярам стереотрубы, установленной на тренёге. Прошла ещё минута. Люди кругом заволновались:

— Самолёт!.. Модель уходит!.. Давайте самолёт!

Человек с секундомером оторвался от трубы и побежал к стоявшему недалёко старенькому «УТ-2».

Чёрез мину́ту самолёт с рёвом пронёсся над ста́ртом и помча́лся в ту сто́рону, куда улетёла «схёмка».

— Дёма́, ви́дел? — тихо́нько сказа́л Ва́ся.

— Что «ви́дел»?

— За тако́й ерундóвской моделе́ью це́лый самолёт посла́ли!

— А ты как ду́мал? Что ж, по-твоёму, пусть моделе́й пропаде́т? Идём!

Ма́льчики сно́ва зашага́ли по аэродро́му.

— Дёма́!

— Что тебе́?

— Дёма́, нико́му не ска́жешь, а?.. Здесь такую́ ерундóвскую моделе́й так берегу́т, а я тако́й о́громный планёр так покале́чил! Не ска́жешь, Дёма́, а?

— Я-то не скажу́, то́лько по твоёму́ лицу́ всякий догада́ется.

Ва́ся вздохну́л и замедли́л шагí. Ви́дно бы́ло, что ему́ о́чень хо́чется удрать с аэродро́ма. Но бы́ло по́здно: ребя́та уже́ подошли́ к планёрному ста́рту.

— Здравствуйте, товарищ, — обрати́лся Дёма́ к же́нщине сре́дних лет, в си́нем комбинезо́не, с секундо́мером в руке́. — У вас не пропа́дала моделе́й?

Та ре́зко оберну́лась:

— Пропа́дала. Сто двена́дцать? Большо́я си́няя? Неужели́ нашли́?! — сказа́ла она́ бы́стро и закрича́ла: — Абба́с! Абба́с! Позови́те Абба́са, моделе́й нашла́сь.

Это взволнова́ло всех модели́стов. С го́моном, с ра́достными во́згласами о́ни окружи́ли ребя́т.

— Вче́рашний планёр нашёлся!

— Где нашли́? Далеко́?

— Абба́с! Абба́с! Сюда́! Скорей!

Сквозь толпу́ протисну́лся мальчи́шка одно́го во́зраста с Дёмой. Он бы́л смуглы́й, большегла́зый, с чёрными курча́выми волоса́ми.

— Нашли? Где она? Где нашли? — проговорил он отрывисто, с восточным акцентом.

Наступил страшный момент.

Дима сунул крыло Вáсе в руки и отошёл в стóронку.

Аббáс выхватил у Вáси фюзеляж и нáчал снимáть газету.

— Она... она немно́го попорченна́я, — пробормотал Вáся.

Аббáс развернул газету. Моделисты дру́жно áхнули и зати́хли, уви́дев нос планёра, превращённый в мочáлку.

— Как же это её угорáздило? — слы́шался негро́мкий мя́гкий барито́н. Рядом с Вáсей сто́ял худо́щавый воённый с чё́рными косма́тыми бровя́ми. На плеча́х у него́ бы́ли пого́ны полко́вника, а на груди́ — золоти́ая звёздочка.

Жё́нщина в комбинезо́не внима́тельно рассма́тривала оста́тки планёра:

— Сама́ по себе́ она́ не могла́ так изодра́ться, товарищ полко́вник.

Полко́вник мо́лча кивну́л и обрати́лся к Вáсе:

— Где ты её нашёл?

Вáся назва́л свою́ дере́вню и железнодо́рожную ста́нцию.

— Непло́хо полета́ла, — задумчи́во сказа́л полко́вник. — Кака́я же кана́лья её так испо́ртила?

Дима поту́пил глаза́ и улы́бнулся, не разжима́я губ. Вся его́ кру́глая физионо́мия как бы говори́ла: «Я-то уж зна́ю, что это за кана́лья!»

Вáся залопотáл:

— Мы... Я так её и нашёл, товарищ полко́вник. Она́ така́я уже́ была́...

— Кака́я «така́я» была́?

— Дро́бью прошибле́нная.

— Чем? — повысил гóлос полкóвник.

— Дро... — нáчал было Вáся и умóлк, почúвствовав, что проговорíлся.

Толпá моделíстов загудéла. Полкóвник в упóр смотрéл на Вáсю:

— Откúда же ты знáешь, что íменно дрóбью? Я, напримёр, стáрый охóтник, но и то не догадáлся.

Вáся молчáл. Он смотрéл в однú тóчку и чáсто помáргивал. Он был такóй крáсный, что, казалóсь, дáже вóлосы егó порозовéли. Дíма улыбáлся, прикрýив ладóнюю рот. Аббáс подскочíл к Вáсе и закричáл, размáхивая рукáми:

— Я знáю!.. Он сам стреля́л! Сам дрóбью модель стреля́л! Смотрíte, какóе лицó! Сам стреля́л!..

— Тíхо, тíхо! Не нáдо кричáть, — мýгко сказáл полкóвник и обратíлся к Вáсе: — Ну?

Вáся теребíл пáльцами кóнчики своего гáлстука и не отрывáясь смотрéл на них.

— Я... я нечáянно, — éле вы́давил он.

— Тó-есть как «нечáянно»?

— Я не знал, что éто модéль.

— Не знал? За что же ты её прíнял? За перепёлку?

Из лéвого Вáсиного глáза скатíлась слезá и задержáлась на уголкé рта. Он бýстро слизнóул её.

— За... за кóндора прíнял, — прошептáл он éле слы́шно.

— За когó?

— Кóндор... За кóндора...

— Ну-ка, расскажí по порýдку. Так мы всё равнó ничегó не поймём.

Вáся молчáл.

— Не хóчешь говорíть?

— Пусть он расскажет, — сказа́л Ва́ся и кивну́л на Диму.

Модели́сты придвину́лись бли́же и зати́хли. Ди́ма потёр ладо́ни и, улыба́ясь, нача́л:

— Пони́маете, де́ло, зна́чит, бы́ло так: иду́ я но́чью на рыба́лку. Со мной, зна́чит, вот э́тот Ва́ся и его́ сестра́. Ну, тут, коне́чно, о́ни мне расска́зывают вся́кие рыба́цкие исто́рии, что в их ре́чке мо́жно пойма́ть три килогра́мма ры́бы, но э́то к де́лу не отно́сится. Ита́к, зна́чит, и́дём. Вдруг ми́мо нас пролета́ет кака́я-то больша́я те́нь, перелета́ет че́рез ре́ку и скрыва́ется на однё́м де́реве. И тут вот э́тот «геро́й» начина́ет крича́ть: «Э́то ко́ндор! Э́то кака́я-то зага́дочная пти́ца! Собо́й пожёртвую для нау́ки, а её подстрелю́!»

Ди́ма разошёлся. С большо́м ю́мором он расска́зывал о том, как Ва́ся и Ню́ша шли на «охóту», как Ва́ся, полумёртвый от стра́ха, крича́л над обры́вом «э́й» и как он в одних труса́х нача́л переходить ре́ку, но, испуга́вшись, верну́лся.

Расска́зывал он так остроу́мно, что модели́сты покаты́вались со́ смеху. Да́же сердитый Абба́с нача́л улыба́ться. Да́же сам Ва́ся улыбу́лся сла́бой, несча́стненькой улы́бкой.

Посме́ивался и полко́вник, держа́ в зуба́х папи́роску. Чем да́льше подвига́лся расска́з, тем он все́ ча́ще погля́дывал на Ва́сю, и то́гда в глубоко́ запавших те́мных глаза́х его́ под косма́тыми бровя́ми появля́лось что́-то ла́сковое.

Когда́ Ди́ма нача́л расска́зывать о само́м сраже́нии с невиданной пти́цей, полко́вник, продолжа́я смея́ться, обнял Ва́сю и похло́пал его́ по плечу́.

— ...Наш «геро́й» баба́хнул второ́й раз, его́ «ко́ндор» развали́лся, и вот вам резу́льтат, — зако́нчил Ди́ма, пла́вным же́стом указа́в на разби́тую мо́дель.

Долго в толпе стоял такой гул, что ничего нельзя было разобрать. Одни что-то говорили, другие всё ещё смеялись. Дима, раскрасневшийся, довольный собой, обмахивался кепкой. Вася стоял, опустив плечи, и казалось, что он даже похудел за эти несколько минут.

— Занятно! — сказал полковник, когда шум немного утих. Он сдвинул с папиросы пепел и обратился к Диме: — Ты, я вижу, человек остроумный, тебе на язычок не попадается. Но вот что меня интересует: ты ведь тоже не знал, что это модель, так ведь?

— Не знал, — сказал Дима.

— Не знал, что это модель, и был уверен, что это не кондор. Что же ты тогда думал: что это было такое?

Дима перестал обмахиваться кепкой:

— Я... я вообще ничего не думал... Я...

— Постой, постой! Как же это «ничего не думал»? Не думает дерево, камень, улитка, но человек-то всегда что-нибудь думает.

Моделисты негромко засмеялись. Дима покраснел.

— Я, конечно, видел, что это похоже на птицу, но я же знаю, что таких больших птиц не бывает.

Полковник смотрел на Диму, чуть улыбаясь:

— «Похоже на птицу, но таких птиц не бывает». Стало быть, перед тобой было некое загадочное явление. И ты даже не попытался его исследовать. Так?

Дима молчал. Молчали и люди, окружавшие его, ожидая, что он ответит. Но Дима так ничего и не ответил.

— Какое же ты имеешь право смеяться над товарищем? Ты вот сидел сложа руки да критиковал, а он в это время действовал. Он-то был уверен, что это

какое-то живое чудовище, и не побоялся выйти на него с дробовиком. Пусть он ошибался, но он был героем в тот момент, отважным исследователем, а ты кем был?

— А в результате модель всё-таки нашлась, — вставил кто-то из модельстов.

— Да, — подхватил полковник, — модель нашлась. Её вчера выпустили перед самым закатом солнца, не рассчитывая, что она улетит далеко. Но она пошла и пошла... Лётчик, погнавшийся за ней, потерял её: солнце в глаза светило. Модель рекорда не поставила, но результат показала хороший.

— А окажись твой друг таким же, как ты, знаешь что могло случиться? — сказала женщина в комбинезоне. — Первым порывом ветра модель бы сбросило в реку — и поминай как звали!

— И не было бы у Аббаса ни модели, ни ценного подарка, — вставил кто-то из модельстов.

— Аббас, скажи спасибо охотнику!

— Аббас, извинись!

Аббас взял Васину руку и дважды сильно тряхнул её.

— Спасибо! Извиняюсь! — сказал он.

Модельсты начали расходиться. Полковник снова обнял Васю за плечи.

— Ты на самолёте летал? — спросил он.

Вася покачал головой.

— Ну идём, я тебя устрою.

Через пять минут жизнь планёрного старта шла обычным порядком.

Модельсты бегали по полю, таща за собой планёры на длинных тонких шнурах — леерах. Белые, голубые, жёлтые, синие птицы взмывали в небо и, отцепившись от лееров, начинали парить.

Дима, хмурым, накупленный, брёл по аэродро-

му, сунув руки в карманы брюк. Иногда он приостанавливался, подымал плечи и негромко произносил:

— Глупо!

Раздался рёв мотора. Низко над Димой промчался учебный самолёт, на котором летёл Вась.

„ЧЕЛОВЕК БЕЗ НЕРВОВ“

У Лóди была́ одна́ сла́бость: ему́ так хоте́лось про-
слы́ть храбрецо́м, челове́ком исклю́чительным, про-
ше́дшим огóнь и во́ду, что он ино́й раз не мог не при-
вра́ть.

Когда́ в пионе́рском ла́гере устраи́вали прогу́лку на
ло́дках по реке́, он всем своим ви́дом дава́л поня́ть, что
ему́ скучно катáнье в «этой посу́дине для сухопу́т-

ных крыс и маменькиных сынков». Если проходил парохód и лóдки начинали покачиваться, а дéвочки вéсело и немногó испуганно пищать, Лóдя нарóчно ещё сильнее раскачивал «эту посудину» и говорил:

— Попрóбовали бы вы пять бálлов на Чёрном мóре!

— А ты прóбовал?

Лóдя кивál головой и рассказывал о том, как он, взяв потихóнку лóдку, прошёл в пятибáльный шторм из Третьего лáгерья Артéка к Нíжнему лáгерю, чуть не разбívшись по дорóге о скалú Султáнку.

— Ничегó стрáшного нет. Не теряйся — и всё в порядке. Стру́сил — тогда играй похорóнный марш, — заканчивал он.

Осóбенно Лóдя старáлся поразить своёй отвáгой двенадцатилётнюю Мáшу Бры́кину из второго отряда дéвочек. Ей он рассказывал о том, как он сóбственными рука́ми задушил напáвшего на него бéшеного фокстерьерá, и о том, как они́ с отцóm заблудились одна́жды в пусты́не Кара-Кúм и спаслись то́лько благодаря́ его, Лóдиной, находчивости. Мáша все́му верила. Её крúглое, оченъ смúглое лицó со вздёрнутым нóсом застывáло от ужаса, большие кáрие глаза́ неподвижно смотре́ли на худóго Лóдю. Временáми она́ перебивáла рассказчика и взволнованно спрашивала:

— Нет, Лóдька, ты сознайся: неужели... неужели ну вот ни кáпельки нé было стрáшно?

— Что ж тут стрáшного! — пожимáл плечáми Лóдя. — Не теряйся — и всё.

Мáша от избытка чувств мотáла головой, и то́лстая золоти́стая косá била её по плечáм.

— Нет... нет, Лóдька... Ты... ты какой-то осóбенный! Ты прóсто человек без нérвов!

Сёрдце Лóди приятно замира́ло от таких слов. Он начина́л мечта́ть о том, как бы на де́ле доказáть Máше, что он «челове́к без нервов».

Одна́жды по́д вечер Лóде и Máше поручи́ли сходи́ть в сосе́дную дере́вню и пригласи́ть на костёр председа́теля колхо́за, получи́вшего зва́ние Геро́я Социалисти́ческого Трудá.

До дере́вни бы́ло киломе́тра полтора́. Сле́ва вдоль просе́лочной доро́ги тяну́лось по́ле овса́, спра́ва вплотную́ к доро́ге подступа́л лес. У са́мого кра́я росли́ молодые́ светлоселёные ёлочки; за ними, сло́вно охраня́я малыше́й, стоя́ли взро́слые ёли с тяжёлой синевáтой хвое́й на опу́щенных вётках.

Ма́ша то и де́ло замедля́ла шаги́, всма́триваясь в глубь ле́са.

— Угада́й, наско́лько тя́нется э́тот лес? — говори́ла она́. — Не зна́ешь? До са́мой желе́зной доро́ги, бо́льше чем на два́дцать киломе́тров! Евстигнё́й Ива́нович, нача́льник ла́геря, сказа́л, что е́сли кто́-нибудь из ребя́т пойдёт в э́тот лес без вожа́тых, то его́ сра́зу отпра́вят к родны́м. Зна́ешь, почему́? Потому́ что в э́том лесу́ не то́лько ребя́та, а да́же здеш́ние колхо́зники ино́й раз плута́ют: кру́жат, кру́жат, а вы́йти не мо́гут.

— То́же мне лес! Ты настоя́щего ле́са не ви́дела, — отве́чал Лóдя и уже́ обду́мывал но́вый расска́з о сво́их приключе́ниях в Усу́рийской тайге́.

Овёс ко́нчился.

Доро́га отошла́ от ле́са и потяну́лась наискосок че́рез луг. В конце́ лу́га видне́лись крестья́нские ба́ни, за ними — огоро́ды с прямы́ми ряда́ми карто́шки, за огоро́дами — избу́ под вы́сокими вётлами. На лу́гу, шага́х в пятна́дцати от доро́ги, па́сся большо́й, че́рный с бе́лыми пята́ми бык, приви́занный к ство́лу

одинокой берёзы. Поровнявшись с быком, ребята остановились.

— Берендэй, — почтительно сказала Маша.

Лодя молча кивнул.

— Его неделю тому назад в колхоз привезли. В стадо его ещё не пускают.

— Знаю. Карантин, — сказал Лодя.

— Его вся деревня боится, — снова вполголоса заговорила Маша. — На прошлой неделе, когда его вели в стойло, он лошадь забодал, а во вторник счетовод на велосипеде ехал, так он на него... Счетовод прямо с велосипеда через забор прыгнул и поэтому остался живым.

Всё это Лодя уже знал. Знал он также, что Берендэй не подпускает к себе ни одного из работников фермы и что ладит с ним лишь колхозный зоотехник, который и привёз Берендэя откуда-то из-под Ярославля.

Берендэй перестал щипать траву, приподнял голову и, стоя боком к ребятам, следил за ними блестящим немигающим глазом.

— Идём, — сказала Маша. — Он чего-то смотрит на нас...

Лодя побаивался коров. Именно поэтому он не двинулся с места.

— Лодя, идём! Видишь, он смотрит на нас.

— Не бойся. Не с такими дело имёл.

Какое он имёл дело с быками, Лодя ещё не придумал, но Маша его и не спрашивала. Она только смотрела то на щуплого Лодю в широких и длинных, не по росту, трусах, то на здорового быка, у которого чёрная лоснящаяся шкура туго обтягивала каждый мускул.

Бык, повидимому, был надёжно привязан к берёзе. Лодю очень хотелось удивить Машу своей

храбростью. Он озабоченно сдвинул брови и важно сказал:

— Похоже, что верёвка возле рогов перетёрлась.

— Ой!.. Лодья, правда?

— Да. Я сейчас проверю. Отойдёшь подальше на всякий случай.

— Лодья, вернись! Нет, это прямо сумасшедший какой-то! — закричала Маша, пятясь назад по дороге.

Лодья не обратил на этот крик никакого внимания. Размеренной поступью он приближался к быку. Берендей повернулся рогами к Лодье и с шумом выдохнул воздух: «Хух!»

От этого «хух» у Лодьи сразу ослабели ноги. Он уголком глаза посмотрел на Машу. Та стояла уже возле самого леса и кричала:

— Лодья, не надо! Лодья, что ты делаешь?!

Это подбодрило Лодью. Он сделал ещё несколько, на этот раз очень неровных, шагов и остановился в полутора метрах от быка.

Берендей опустил рог, сильно ударил себя хвостом по боку, и снова послышалось: «Хух!»

— Но-но у меня!.. Ты не очень-то! — слабым голосом сказал Лодья и сделал бочком ещё один шаг.

Берендей крутнул головой, словно желая стряхнуть верёвку, двойной восьмёркой оплетавшую рог, и двинулся к Лодье. Однако верёвка натянулась и вывернула ему голову так, что один глаз стал смотреть в землю, а другой — в небо. Бык замычал протяжно и раскати-сто. Маша завизжала. У Лодьи что-то сжалось в животё. Он было собрался удрать, но увидел, что бык стоит в прежнем положении и верёвка крепко держит его.

«Дотронушь до морды и уйдёшь!»

Лодя снова бочком приблизился к Берендею, сильно вытянул левую руку приговаривая: «Быченька, быченька...», ткнул «быченьку» указательным пальцем в мягкий тёплый нос. Берендей не шевельнулся. Лодя разом осмелел.

— Но-но! Не на того напал, — сказал он громко, чтобы Маша могла услышать, и снова ткнул быка в нос, на этот раз кулаком.

Берендей неуклюже попятился. Теперь можно было с достоинством уйти. Лодя повернулся и направился к Маше, стараясь не спешить и не оглядываться назад. Не оглядываться было очень трудно, потому что сзади слышалась какая-то тяжёлая возня. Однако Лодя не повернул головы. Он даже изобразил на своём лице улыбку. Так он прошёл примерно половину пути. И вдруг он увидел, как Машино лицо перекосилось, услышал, как она взвизгнула не своим голосом, увидел, как её словно ветром сдуло и понесло по дороге к лагерю. Лодина голова сама собой повернулась.

Берендей, опустив рога, ровной рысцой бежал к нему.

«Человек без нервов» не пискнул, не издал ни звука. В голове его мелькнуло: «Бежать!», а ноги уже пронесли его метров десять по направлению к лесу... Потом он подумал: «Спрятаться!», а сам уже секунду лежал под ветками огромной разлапистой ели, растущими почти у самой земли. Больше Лодя ни о чём не думал, а только ждал, что бык сейчас доберётся до него и забодает...

Но Берендей не появлялся. Долго, очень долго Лодя лежал пластом на сухих еловых иголах, потом приподнял голову и прислушался. Кругом было тихо. Трудно сказать, сколько времени длилась эта тишина: то ли пять минут, то ли полчаса. Наконец

гдѣ-то совсѣм близко прозвучал тихий, прерывающийся голос:

— Лодя!.. Лодя, где ты? Лодя!

«Человек без нервов» выполз из-под ёли, с трудом продрался сквозь густые заросли молодняка, которых он не заметил, спасаясь от Берендѣя, и очутился на дорогѣ.

Маша стояла в трёх шагах от него. Круглое лицо её покраснѣлось, ресницы слиплись от слѣз, от гладкой причёски отделилось множество тонких прядок, которые слегка шевелились и поблёскивали золотыми искорками. Лодя, наоборот, был блѣден. Через нос и правую щеку его тянулась больша́я ссадина. Трусы, рубашка и растрёпанные волосы были унизаны еловыми и́глами.

Маша долго рассматривала его, потом глубоко вздохнула:

— Я уж думала, ты погиб.

Лодя постарался улыбнуться.

— З-занятное приключѣние! — выдавил он, чуть заикаясь.

Оба помолчали, рассеянно оглядываясь по сторонам. Ни на дорогѣ, ни в деревне, ни на лугу не было видно ни души.

Вдруг на лицѣ у Маши снова появилось испуганное выражѣние:

— Лодька! А Берендѣй! Где Берендѣй?

Лодя равнодушно махнул рукой в сторону лѣса:

— Там гдѣ-то.

Маша подошла поближе и посмотрѣла ему в глаза.

— Лодька, ты понимаешь, что ты надѣлал? Понимаешь? — сказала она.

Лодя молчал.

— Он же в лес ушѣл! Он же пропадѣт! — почти крикнула Маша.

Только теперь Лодя увидел другую сторону всей этой истории. Из-за него сорвался с привязи племенной колхозный бык. Бык может уйти далеко в лес, может заблудиться, погибнуть... Плечи у Лодя опустились, лицо вытянулось.

— Вот что ты надёлал!

Маша постояла в раздумье, зажав зубами кончик пионерского галстука, йскоса, уже без всякого восхищения поглядывая на «человека без нервов». Потом она круто повернулась и скрылась среди молодых ёлочек. Лодя пошёл за ней.

Лес был неровный. Плотные заросли ёлей походили на материк и острова. Между ними бухтами и проливами зеленели лужайки с пушистыми шариками одуванчиков. Маша как будто забыла свой страх перед Берендеем, забыла и о том, что в этом лесу можно заблудиться. То ей слышался треск сухой ветки, и она бежала на этот звук. То ей казалось, что за деревьями что-то шевелится, и она шла в противоположном направлении, продираясь сквозь колючий ёльник.

Лодя всюду следовал за ней и думал: что они будут делать с Берендеем, если даже найдут его? Ведь ни он, ни Маша не решатся подойти к быку и на двадцать шагов. Не лучше ли пойти в правление колхоза и рассказать обо всём? Но как рассказать? Неужели так прямо и заявить: «Дорогие товарищи! Я выпустил вашего быка, и он ушёл в лес. Пойдите поищите его». Нет! Уж лучше продолжать поиски, а там видно будет.

Постепенно Лодя ободрился и стал внимательно разглядывать траву, надеясь обнаружить следы Берендея. Но трава была невысокая и такая упругая, что Лодя даже собственные следы различал с большим трудом.

Так они́ до́лго петля́ли по́ лесу, пока́ не замети́ли, что одува́нчики на больши́х лужа́йках ста́ли краси́выми от луче́й захо́дящего со́лнца, а на ма́леньких лужа́йках, окру́женных ё́лями, сде́лалось ту́скло и се́ро.

— Ло́дька!.. Что ты на́делал! Ты понима́ешь, что ты на́делал? — де́сятый раз повто́ряла Ма́ша.

— В колхо́з ну́жно итти́. Заяви́ть, — упавши́м го́лосом отве́тил «челове́к без нерво́в».

Уста́лые, уны́лые, они́ побрели́ о́братно. Ма́ша неуве́ренно говори́ла, что им ну́жно итти́ пра́вее. Ло́дя так же неуве́ренно предлага́л забра́ть немно́го вле́во. На ду́ше у ка́ждого стано́вилось всё трево́жней и трево́жней.

Ско́ро, одна́ко, в дере́вьях показáлся просве́т, и ребя́та вы́шли к прямо́й широ́кой про́секе, на кото́рой то здесь, то там росли́ призе́мистые ку́стики можжеве́льника. Ма́ша срáзу повеселе́ла:

— Ой! Это же та са́мая! Она́ к ла́герю веде́т!

Ма́ша раздвину́ла ве́тки, вы́шла на про́секу, посмотре́ла вле́во, поверну́лась, посмотре́ла впра́во... и поня́тилась.

Ло́дя подошёл к ней и то́же взгляну́л напра́во: на про́секе, шага́х в пяти́десяти от ребя́т, па́сся Беренде́й.

Ма́ша вцепи́лась в Ло́дину ру́ку чуть powýше ло́ктя и, не спуска́я глаз с Беренде́я, прошепта́ла:

— Ло́дька, нико́му в колхо́зе не говори́ть, что это он из-за теб́я сорва́лся!

— Вот ещё! Бúду я прýтаться! — прошепта́л Ло́дя, то́же внима́тельно сле́дя за быко́м.

— Ло́дька, тебе́ ниче́го не бúдет, пото́му что ты мальчи́шка, а для вожа́тых — неприятности́.

Ло́дя помолча́л. Ма́ша ещё кре́пче впи́лась в его́ ру́ку:

— Лодька, дай мне чёстное слóво, что не будешь близко к нему подходить!

— А что?

— Я сейчас побегу в лагерь, а оттуда в колхоз... А ты оставайся здесь и никуда его не пускай, пока я сюда людей не приведу. Только близко не подходи. Ладно?

— Л-ладно, — вяло ответил Лодя, тоскливо глядя на быка, на тёмные стены ёлей, сходящиеся вдаль, на большое красное солнце, которое садилось в конце просеки.

— А если он всё-таки уйдёт, то иди за ним и кричи всё время «ау». Мы по голосу тебя отыщем. Хорошо?

Лодя только молча кивнул.

— Пока!.. Ой, Лодька, я бы на твоём месте со страху померла!

Маша пустилась бежать. Малиновая от заката кофточка её ещё долго мелькала среди низких кустов. На просеке стояла тишина. Никогда ещё Лодя не чувствовал себя таким одиноким.

Он поднял с земли большую сухую ветку и стал обламывать с неё сучки. Он понимал, что палкой от быка не спасёшься, но всё же с ней было как-то спокойней.

Один из сломанных сучков треснул так громко, что Берендэй поднял голову.

Лодя юркнул за ближайшую ёлку. Несколько секунд бык прислушивался, потом он зашагал по просеке в сторону, противоположную той, куда убежала Маша. Лодя думал, что он отойдёт немного и снова примется за еду. Но Берендэй продолжал идти, слегка покачивая белым хвостом с грязной кистью на конце. Обрывок привязанной к рогам верёвки волочился за ним по траве.

«Ухóдит! Уйдёт!..» подумал Лóдя и побежáл за быкóм.

— Берендéй! — вскрикнул он.

Берендéй всё шёл и шёл. У него́ был такой вид, слóвно он знáет, куда́ и зачём идёт, и знáет тáкже, что путь ему́ предстои́т далёкий. Лóдя пришёл в такое́ отча́яние, что ещё́ бли́же подбежáл к быкú и снóва грóмко крикнул:

— Берендéй!

Берендéй остано́вился и посмотре́л на Лóдю че́рез плечó. Тот сра́зу засты́л на мёсте.

Берендéй ме́дленно поверну́лся всем ко́рпусом на сто во́семьдесят гра́дусов. Лóдя слегкá присёл. Берендéй подхлестну́л себя́ хвостóм и ша́гом двину́лся на Лóдю. «Челове́к без нервов» большо́ими скачка́ми понёсся в ё́льник.

Когда́ он снóва вы́брался на про́секу, быка́ на ней не́ было. Лóдя кра́дучись двину́лся вперёд и услы́шал, как недалекó в лесу́ шелестя́т ветки. Лóдя пошёл на э́тот шóрох и ско́ро уви́дел среди́ хво́и бе́лый хвост Беренде́я.

Снóва начали́сь блужда́нья по лужа́йкам и прога́линам. Постепенно́ дере́вья становили́сь черне́й и как бу́дто вы́ше, а тра́ва из зелёной преврати́лась в темно-се́рую. Приближа́лась ночь. Берендéй шёл всё да́льше и да́льше.. Иногда́ он остано́вливался и мыча́л глу́хо и трево́жно. На не́котором расстоя́нии за о́громным быкóм сле́довала ма́ленькая фигу́рка с коря́вой па́лкой в рука́х. Фигу́рка всхли́пывала и вре́мя от вре́мени принимáлась крича́ть:

— Ма́-ша-а! Эй, Ма́-ша-а!

Никто́ не отзы́вался.

Но вот ё́льник ко́нчился. Берендéй пересёк у́зкий луг и пошел к поло́гому бугру́, где росли́ ре́дкие вы́сокие, как мачты со́сны и белёли то здесь, то там ство-

лы берёз. На склоне этого бугра Берендэй остановился и опять замычал очень тихо, словно боясь, что его услышат. Постепенно насторожённость его исчезла, голова понуро опустилась. Через несколько минут он лёг спиной к Лóде и стал похож на большой чёрный валун, облитый в нескольких местах известкой.

Лóдя сел на широкий, влажный от росы пенёк. Его тапочки промокли. Он сильно замёрз и очень хотел есть. В голове были самые безрадостные мысли. Что, если они ошиблись, думая, что просека выведет Машу к лагерю? Что, если это какая-нибудь другая просека и Маша заблудилась, идя по ней, и колхозники ищут сейчас быка где-нибудь далеко отсюда? С рассветом Берендэй снова начнёт кружить по лесу. Идя за быком, можно проплутать без пищи, без тёплой одежды и день, и два, и целую неделю, можно, наконец, погибнуть в такой глуши, где никто и костей не найдёт!..

Лóде очень захотелось встать и уйти. Ведь Маша не скажет, что это он выпустил быка, а следовательно, и отвечать ему не придётся. Но только Лóдя подумал об этом, как на душе его сделалось невыносимо мерзко. А что, если Маша не заблудилась? Что, если его сейчас ищут десятки колхозников, вожатые, старшие пионеры? Может, все они только и надеются, что он, Лóдя, не испугается, задержит быка. И, уж конечно, Маша-то уверена, что он не подведёт колхоз.

Лóдя понял: если он сейчас покинет Берендэя, то уж никогда потом не избежит презрения к самому себе.

Лóдя встал со своего пня и подошёл поближе к Берендэю. Уже совсем настала ночь. Лунá не всходила, но небо было по-лётному светлое, с чуть заметны-

ми звёздами. Лодя смог разглядеть рога Берендэя, торчавшие из-за чёрной крутой спины, и привязанную к ним верёвку, конец которой терялся в траве. Лодя вспомнил, как эта верёвка волочилась за быком во время блужданий по лесу. Длинной она была метра в три, может быть больше.

Лодя перевёл взгляд на тонкую сосенку, возле которой лежал Берендэй. Хорошо бы набраться храбрости, подкрасться к быку и привязать его к этой сосенке! Тогда можно быть уверенным, что Берендэй не уйдёт, если, конечно, его опять не раздражить. Но тут Лодя представил себе, как он подкрадывается к Берендэю, а тот вскакивает и бросается на него. Спрятаться нигде: только пни да редкие деревья с гладкими стволами. Лодя бежит, а бык всё ближе, ближе...

Долго стоял «человек без нервов» как вкопанный, не спуская глаз с верёвки на рогах Берендэя. Сколько раз он рассказывал о своих выдуманных подвигах! Сколько раз он мечтал о том, как он совершит эти подвиги в действительности! И вот теперь, когда нужно совершить не подвиг, а просто смелый поступок, он...

Сердце у Лоди вдруг прерывисто заколотилось, холод куда-то исчез, ему стало даже душно. Лодя решился...

Маленькими, чуть заметными шажками, то и дело останавливаясь и задерживая дыхание, он начал подкрадываться к Берендэю. Чем ближе он подходил к быку, тем шажки становились короче, а остановки продолжительнее.

Вот до Берендэя осталось каких-нибудь пять метров. Минуты через две это расстояние сократилось до трёх, ещё через пару минут Лодя стоял возле сосенки, так близко от быка, что мог бы дотянуться до него

своей палкой, которую он держал в руке, сам не зная для чего.

Берендей не двигался. Лишь округлые бока его слегка подымались и опускались от дыхания. Лодя попрежнему видел только рога да ещё белые уши быка и не видел его головы, повернутой в сторону и скрытой за туловищем. Лодя пошарил глазами в траве, отыскивая верёвку. Ему повезло: конец верёвки лежал недалеко от его ног. Не сходя с места, Лодя очень медленно присел на корточки, бесшумно положил в траву палку и дотянулся рукой до верёвки. Потом он начал так же медленно подыматься. Верёвка тащилась за его рукой, и трава хотя очень тихо, но всё-таки шуршала. Уши Берендея шевельнулись. Лодя замер, согнувшись в три погибели, но тут же понял, что долго так выстоять не сможет. Он решительно потянул верёвку к себе, в одну секунду обмотал её вокруг сосенки и сделал первый узел. Берендей повернул голову. Лодя знал, что верёвка развяжется, если он не сделает второго узла. Он отчаянно заторопился, руки его тряслись, он смотрел уже не на верёвку, а на Берендея, и поэтому долго не мог просунуть конец верёвки в петлю. Наконец он затянул узел и побежал. За его спиной раздалось страшное «хух», бык вскочил на ноги. Лодя слетел с бугра, перенёсся через луговину и остановился лишь тогда, когда добежал до милого его сердцу ёльника.

Берендей стоял на прежнем месте. Через несколько минут он снова лёг. Лодя вернулся на бугор и увидел, что верёвка, которой он привязал Берендея, целая. Удивительная лёгкость охватила «человека без нервов». Голод, холод, мокрые от росы тапочки — всё казалось теперь пустяками. Тёмный, безлюдный лес вдруг сделался уютным и ласковым. Лодя опять спустился на луг и стал расхаживать по нему, дожидаясь рассвета,

гро́мко насвистывая «марш тореадора» и дирижи́руя себе́ обе́ими ру́ками.

Скóро, одна́ко, он за́метил, что к его́ свисту́ иногда́ приме́шивается ка́кой-то посто́ронний звук. Он прерва́л свой ко́нцер́т, прислу́шался, по́нял всё и протя́жно закрича́л:

— Эй, сюда́-а!

Пока́ лю́ди, иска́вшие Ло́дю, на́конце́ добра́лись до него́, ста́ло за́метно́ светле́е.

Пе́рвыми вы́шли из ле́са две де́вушки-ко́лхо́зницы и пионервожа́тый Ди́ма. Потóм в друго́й сторо́не по́явился курча́вый парни́шка лет восемна́дцати. Он ве́л под уздцы́ неосе́дланную ло́шадь, на кото́рой сиде́ла Ма́ша, оде́тая в дра́повое пальто́. Все окру́жили Ло́дю, что́-то говори́ли, перебива́я друг дру́га, а Ма́ша, не слеза́я с ло́шади, тарато́рила о том, что про́сека оказа́лась не та и что она́ лишь в оди́ннадцать но́чи попала́ в ла́герь.

Курча́вый парни́шка оказа́лся ко́лхо́зным зоотехни́ком. Он подоше́л к подня́вшемуся с земли́ Беренде́ю, и тот потяну́лся губа́ми к карма́ну его́ пиджака́, из кото́рого торча́л кусо́к хле́ба. Угоща́я хле́бом Беренде́я, зоотехник оберну́лся к Ло́де:

— Это ты его́ привяза́л?

— А кто же ещё? — пожа́л плеча́ми Ло́дя.

— Хра́брый ты, одна́ко!

Де́вушки уди́вленно за́охали, а Ма́ша замота́ла голо́вой:

— Нет, Ло́дька, нет! Я всегда́ говори́ла, что ты сумасше́дший! Ты не зна́ешь, ка́кой ты сумасше́дший.

Зоотехник отвяза́л быка́ и потащи́л его́ за собо́й.

— Нет, — восклицáла Ма́ша, — нет, Ло́дька, ты то́лько скажи́: что ты чу́ствовал, когда́ привязыва́л Беренде́я? Неужели́ ну вот ни ка́пельки не́ было стра́шно?

Лодя с минúту мóлча шагáл рядом с конём, потóм пóднял гóлову, посмóтрёл на Мáшу и мёдленно от-вётил:

— Чтó чúвствовал? Испугáлся совсём! Вот чтó чúвствовал!

ПЕСОК

Солнце уже село. Деревья на лужайке в нашем лагере потемнели, и только верхушки самых больших берёз ещё поблёскивали красноватым блёском, словно сделанные из ярко начищенной меди.

У забора, на котором висели умывальники, толкались десятки голоногих ребят. Гремели железные клапаны, слышалось фырканье, взвизгивали девчонки.

Наше звено не спешило умываться. Мы стояли поодаль с полотенцами на плечах, с мыльницами и

зубными щётками в руках и всё никак не могли притти в себя от свалившейся на нас неприятности.

Ужé десять дней шла подготовкa к торжественному открытию лагeря, и всё это время нашему звену давали самые интересные и сложные задания. Мы сконструировали и построили мишень, изображавшую фашиста, который падал и задира́л кверху но́ги, е́сли попа́сть мячо́м в широ́кую чёрную кно́пку ря́дом с ним. Мы сде́лали две трещо́тки для предстоящей игры. Мы обо́рудовали под крыльцо́м нашего деревя́нного до́ма фотолаборато́рию и уже́ выпустили два но́мера фотобюллетeня. На линéйках, в стенгазeтах нас постоянно хвали́ли за смека́лку, за изобре́тательность, и мы, коне́чно, о́чень горди́лись этим. И вдруг та́кая оби́да!

С полчаса́ тому́ наза́д на вече́рней линéйке ста́рший вожа́тый объя́вил нам поря́док за́втрашнего дня.

— Четве́ртое звено́ пе́рвого отря́да бу́дет занима́ться ремо́нтом ло́дки, — сказа́л он. — Заде́лать пробо́ину, изгото́вить и наве́сить ру́ль, поста́вить ма́чту с па́русом. Мы должны́ импе́ть флот, приго́дный для да́льных пла́ваний по ре́чке Тихо́не. Три други́х звена́ пе́рвого отря́да (зна́чит, в том числе́ и на́ше), а та́кже весь второ́й отря́д должны́ бу́дут посы́пать линéйку песко́м. Верне́е, да́же не посы́пать, а засы́пать, то́лстым сло́ем засы́пать. По́чва здесь гли́нистая. Пойде́т дождь — уто́нем в грязи́.

Са́ми понима́ете, как это «увлекате́льно» — таска́ть песо́к! Ведь на подобно́й рабо́те мо́жно умере́ть со ску́ки. И это в то вре́мя, когда́ други́е ребята́ бу́дут занима́ться та́кими интере́сными и отве́тственными дела́ми, как ремо́нт ло́дки, подготовкa к подьёму ма́чты, устрой́ство аттракцио́нов...

— Весь за́втрашний день насма́рку! — процедил сквозь зу́бы высо́кий, тонконо́гий Ло́дька Виногра́дов.

Он стоял, опустив голову в белой панаме, и снимал облупившуюся от загара кожу с головой по локоть руки.

Демьян заложил руки за спину, опустил голову и нахмурил брови.

Ваня Сердечкин смотрел грустными глазами то на одного, то на другого из нас:

— Ладно, ребята, пусть!.. Раз не ценят, так пусть! Правда, ребята?

— Нет, не пусть! — сказал вдруг Демьян очень решительно. — Идёмте! Я поговорю. Я докажу ему!

Мы направились к умывальникам.

Ростом наш звеньевой был самый маленький в отряде, но очень крепкий и такой солидный, что все его звали не Дёмой и, уж конечно, не Дёмкой, а только Демьяном. Он ходил всегда огромными шагами, старался говорить басом и очень любил всякие мудрёные выражения. Вот и теперь он шёл впереди нас, словно метры отмеривал, и гудёл себе под нос:

— Я поговорю! Я ему логически докажу!

Вожатый нашего отряда Яша наблюдал за порядком возле умывальников и время от времени останавливал тех, кто лез без очереди или норовил налить воды за воротник соседу. Демьян остановился, немного не доходя до него.

— Яш! — позвал он самым низким своим басом. — На минутку! Важное дело.

Яша подошёл к звеньевому. Он был очень загорелый, у него были чёрные курчавые волосы. В сумерках он сильно походил на негра.

— Яша, — снова заговорил Демьян, — я должен заявить тебе от всего звена: мы считаем, это нерационально.

— Что «нерационально»? — спросил вожатый, оглядываясь в сторону умывальников.

— Посылать наше звено на песок.

— Нерационально, говоришь?

— Ага! Посылать наше звено на песок — это всё равно что инженеров заставлять работать грузчиками.

Яша скрестил на груди руки и уставился на Демьяна:

— Что, что? Каких инженеров? Какими грузчиками?

Демьян подошёл почти вплотную к вожатому и продолжал убедительным тоном:

— Яша! Подожди. Давай рассуждать так... логически. Кто в нашем звене?.. Лодя Виноградов! Сам знаешь, как он столярничает. Он не только руль для лодки, он всю лодку может сам построить... Ещё кто в нашем звене?.. Ваня Сердечкин! Он...

— Понятно! Ты покороче немного.

— Вот. А ты таких людей — на песок! А кто в четвертом звене? Чем они себя проявили? Ремонтировать лодку — тут голова нужна... Они, может быть, инструмента в руках не умеют держать, а ты их на такое ответственное дело! А людей... этих... ква... квалифицированных ты — на песок! Нерационально.

— Всё? — спросил Яша недобрый голосом.

— Всё.

— Так вот, слушай меня. У нас не завод, а пионерский лагерь. А вы пока ещё не инженеры, а всего-навсего мальчишки, да к тому же, как видно, здорово зазнавшиеся мальчишки. стыдно вам, пионерам, так относиться к физическому труду! Белоручки!

Демьян присмирел. Вся его солидность куда-то исчезла. Он стоял, втянув голову в плечи, и грустно смотрел вожатому на ноги. Зато мы обиделись и заговорили:

— Насчёт белоручек, это ты, Яша, зря...

— Мы вóвсе не к физическому труду... мы к скучному труду так относимся.

— Пускай хоть бы самая тяжёлая работа, но только чтобы была интересная.

— Неплохо придумали, — усмехнулся Яша: — пусть четвертое звено делает скучную работу, а вам подавай только интересную!.. Не выйдет, голубчики!.. Хороши! Квалификацией своей возгордились! — Он сунул руки в карманы, прошёлся взад-вперёд и сухо добавил: — Можете ничего завтра не делать. Принуждать вас никто не собирается. Загорайте.

— Зачем напрасно оскорблять? — пробормотал Демьян. — Что мы, лодыри?!

Яша не ответил. Мы тоже больше не говорили ни слова, и молчание длилось очень долго. Должно быть, у нас был очень печальный вид, и это подействовало на вожатого. Когда он снова заговорил, голос его был уже не такой сердитый:

— Отнимать у четвертого звена ремонт для вашего удовольствия я не буду. Если четвертое звено само захочет с вами поменяться, тогда — другое дело.

Мы даже плечами пожали:

— «Само захочет»! Они не сумасшедшие.

Яша посмотрел на нас как-то искоса, и мне показалось, что он слегка улыбнулся.

— А вы попытайтесь, поговорите. Вы люди умные. Докажите им, что даже такое дело, как тасканье песка, может быть интересным.

Яша смотрел на нас и почёсывал переносицу, прикрывая ладонью улыбающийся рот. Мы поняли, что больше разговаривать не о чем, и поплелись к умывальникам.

— Всё шуточки! — тихо сказал Демьян.

Умывшись, мы пошли в дом. На крыльце Лодя Виноградов остановился и сказал:

— На такой большой лодке можно было бы не один, а два паруса поставить. Кливер, например...

— Завтра будет тебе «кливер», — проворчал Демьян. — Будешь с носилками ходить и любоваться, как четвертое звено лодку корёжит.

Конечно, о том, что четвертое звено покорёжит лодку, Демьян просто так сказал, с досады, но все мы кивнули головами.

Лагерь наш стоял у самой реки, но на этом берегу, низком, поросшем ивами, песка не было. Его нужно было доставать на том берегу, где с высоких обрывов спускались большие осыпи. Чтобы принести носилки или ведро с песком, нужно было дойти до пешеходного мостика, который находился метрах в тридцати от границы лагеря, перейти через этот мостик и проделать такой же путь обратно. Я прикинул всё это в уме, и меня тоска взяла.

— Демьян! — задумчиво сказал Лодья.

— Да?

— Может, поговоришь с ними? Чем чорт не шутит...

— Наивный ты человек, Всеволод!

— А ты всё-таки попробуй, разведи какую-нибудь дипломатию. Вот, мол, песок — это только с виду такое скучное дело: мол, это только сначала кажется, что ничего тут мудреного нет, а на самом деле...

— Что «на самом деле»?

— На самом деле... это... ну вообще чего-нибудь там... — Лодья помахал руками у себя перед носом и умолк.

— Сам не знаешь, а говоришь! — сказал Демьян, но тут к нему пристали другие мальчишки:

— А тебе трудно поговорить, да? Ведь в одной с ними комнате ночуешь!

— Знаешь поговорку: «Попытка — не пытка, а спрос — не беда»?

Демьян взглянул на меня, потом на Ваню Сердечкина. Мы трое ночевали в той комнате, где помещалось четвертое звено.

— Конечно, ребята... Дело, ребята, конечно, трудное, но всё-таки попробовать можно. Правда, ребята? — сказал Ваня.

«Трудное»! Мне это казалось такой задачей, над которой самый лучший дипломат себе голову ломает. Посмотрели бы вы на звеньевое четвертого звена Мишку Авдотьина! Он большой, грузный и всегда спокойный и серьёзный, словно ему не тринадцать лет, а все тридцать. Попробуйте убедите такого в том, что белое — это чёрное, а чёрное — белое!

Через несколько минут мы лежали в постелях.

Совсем стемнело. За окном пропел горн: «Спать порá, спать порá!» Однако четвертое звено ещё не уgomонилось. В углу комнаты слышались возня, приглушённый смех и мягкие удары: там затеяли драку подушками. Вдруг кто-то сказал: «Внимание! Воздух!» — и началась игра в «противовоздушную оборону». С минуты все лежали тихо и прислушивались к пisku залетевшего в комнату комара. Затем Серёжа Огурцов командовал сам себе: «Пятая батарея, огонь!» и принялся быстро хлопать над собой ладонями, стараясь в потёмках попасть по комару. Когда «вражеский самолёт» вышел из зоны его «обстрела», открыла огонь «шестая батарея», то-есть Сурэн Ата-раев.

Ни Демьян, ни Ваня, ни я не принимали участия в игре. Я всё думал, думал, думал, с чего бы начать наш дипломатический разговор, да так ничего и не придумал. Как видно, и у Демьяна и у Вани дела были тоже неважные. Демьян, кровать которого стоя-

ла рядом с моёй, лежал совсем тихо. Ваню я не мог видеть, но слышал, как он ворочался и вздыхал.

Наконец комара убили, и четвертое звено успокоилось. Наступила тишина. Даже Ваня перестал вздыхать. В открытое окно над моёй головой потянул тёплый ветерок и принёс с далёкой железнодорожной станции свисток, потом гудок и частое уханье паровоза, сдвигающего с места состав.

— Михайл! — пробасил вдруг Демьян.

— Ну? — сонным голосом отозвался тот.

— Вы завтра лодку будете ремонтировать?

— Угу.

— А мы — на песок.

— Знаю. Спи!

Наш звеньевой после этого долго молчал, а я лежал и нервничал: ведь Михайл каждую минуту мог уснуть! Наконец Демьян равнодушно сказал:

— Не завидую я вам.

Миша не ответил и даже начал похрапывать. Демьян встревожился:

— Михайл! Слышишь?

— Тьфу ты!.. Что тебе?

— Не завидую я вам, что придётся с лодкой возиться.

— Ну и не завидуй. Я спать хочу.

— Песок, ребята... песок — это настоящее дело, а лодку ремонтировать — это детские игрушки, да? — сказал из темноты Ваня Сердечкин.

Миша молчал, зато Серёжа Огурцов проговорил:

— А что в нём хорошего, в песке? Таскай да таскай!

— Это как сказать, — загадочно возразил Демьян.

— Кто не понимает, тому, конечно, и правда только «таскай да таскай», — добавил Ваня.

— А ты понимаешь?

— А то нет!

— Ну, что ты понимаешь?

— Что понимаю? — Вáня помолчал. — А вот то и понимаю, что понимаю. Правда, ребята?

— Самó собóю разумеется, — подтвердил Демьян. Сергёй громко зевнул:

— Ну вас!.. Болтают чего-то, а что — сами не знают.

Я лично знал только одно: ничего у нас не получается с дипломатическим разговором. Я шепнул Демьяну:

— Кончай! Бездёжно!

Однако он не послушался и заговорил громче прежнего:

— В том-то весь интерес и заключается: песок — неинтересное дело, а ты попробуй сделай его интересным! Вот где почётная задача!

Одна из кроватей заскрипела.

— Послушай! У тебя в голове песок или мозги? — с чувством сказал Сурэн. — Отбой был или не был?

— Ну, был. А ты знаешь, что такое песок? Это простор для рационализаторской мысли!

— Чего, чего, чего? — переспросил Сергёй.

— Того! Придумать, как поставить парус, — легко. Ты вот придумай, как на подноске песка рационализацию провести, тогда — другое дело. Тогда, значит, ты человек... человек... мыслящий.

— Ты вот попробуй, ты вот попробуй! — затараторил Вáня. — На песок почти два отряда назначили, а ты попробуй, чтобы десять человек управились. Попробуй рационализацию придумать!

— А ты какую придумываешь рационализацию? — спросил Мйшка. Он, оказывается, ещё не спал.

Демьян и Вáня молча́ли, но мне в го́лову пришлá как б́удто неплоха́я мысль:

— Не носíлками его́ с того́ бе́рега таска́ть, а в ло́дке вози́ть!

— У-у! — протяну́л Серёжка. — Пока́ ло́дку на-гру́зишь, да пока́ переплывёшь, да пока́ перенесёшь песо́к на линёйку — полдн́я уйдёт.

— Лу́чше да́же не ло́дку, — сказа́л Вáня. — Лу́чше тако́й деревя́нный же́лоб пострóить с того́ бе́рега до са́мой линёйки. Тот бе́рег высóкий и...

— Зна́ешь, когда́ ты тако́й же́лоб построи́шь? — сказа́л Сурён. — Когда́ втора́я сме́на в ла́герь при́едет.

— Мо́жно без же́лоба. Мо́жно про́ще... — нача́л бы́ло Демья́н и вдруг умо́лк.

— Ну? — сказа́л Ми́шка.

Демья́н не отве́тил.

— Демья́н! Заче́м молчи́шь? Ещё не придумáл, да?

— Хва́тит. Спать пора́! — сказа́л Демья́н.

Этого́ я ника́к не ожида́л.

— Мо́жно ещё и по-другóму... — заговори́л Вáня, но Демья́н его́ оборва́л:

— Ива́н, слы́шишь! Дово́льно тебе́!

— Чуда́к ты како́й челове́к, Демья́н!.. Я хоте́л сказа́ть...

— А я говорю́: хва́тит. Я зна́ю, что де́лаю! — Демья́н толкну́л меня́ в бок и прошепта́л: — Не спи. Слы́шишь? Секрётный разгово́р... гениа́льная идéя!

...Утром сто во́семьдесят на́ших пионе́ров, одётых в си́ние трусы́, голу́бые ма́йки и бе́лые панáмы, стоя́ли на линёйке и жму́рились от со́лнца. Звеньевы́е и вожа́тые уже́ сда́ли ра́порты. Ста́рший вожа́тый Се-ме́н Семёнович ходи́л перед стро́ем и говори́л:

— Внима́ние! По первонача́льному пла́ну, второ́й

отряд целиком и три звена первого отряда должны были сегодня носить на линейку песок. Полчаса тому назад звеньевой Демьян Калашников заявил мне, что его звено одно берётся выполнить всю работу в тот же срок. Поэтому второй отряд совместно с двумя звеньями первого отряда направляется сегодня не на песок, а в лес за земляникой. Вопросы есть?

Сразу поднялось несколько десятков рук. Всем хотелось узнать, как это мы, восемь мальчишек, думаем заменить почти два отряда. Но Семён Семёнович отказался ответить:

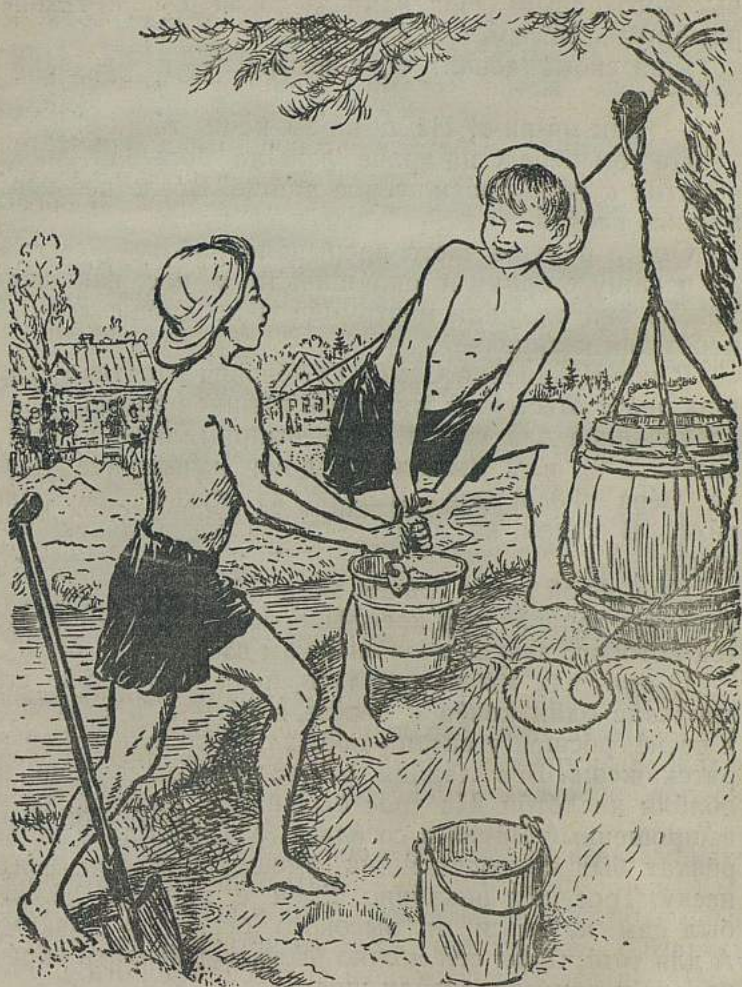
— Это пока секрет изобретателей. Сами попробуйте догадаться.

Мы тоже держали всё в тайне, хотя за завтраком к нам приставал с расспросами почти весь лагерь. Я чуть не подавился гречневой кашей с молоком — так не терпелось поскорее начать работу. Мы с Демьяном и Ваней не спали почти всю ночь, шопотом обсуждая проект звеньёвого. Но сейчас чувствовали себя удивительно бодрыми — хоть горы воро́чай!

Завтрак кончился. Младшие отряды вооружились сачками и ушли в луга ловить бабочек. Второй отряд и свободные пионеры из первого отправились в лес. По дороге они остановились на узком мостике через реку и долго стояли там со своими корзинами, разглядывая берега, разговаривая о нашей затее.

Слишком долго рассказывать, как мы трудились, выполняя Демьянов проект. Этак я все тетрадки свои испишу. Скажу только, что без четверти двенадцать мы начали испытание нашей подвесной дороги.

Крепко пекло солнце. Мы, восемь мальчишек, и с нами вожатый Яша в одних трусах да панاماх стояли на крутой песчаной осыпи, спускавшейся с

высокого обрыва. Под нами за узкой речкой Тихоной раскинулся лагерь.

Яша скомандовал: «Три-четыре!» — и мы закричали:

— Вни-ма-ни-е! На-чи-на-ем ис-пы-та-ни-е!

На том берегу на траве лежала большая лодка, обратив к небу красно-серое днище. Возле неё копошились ребята.

Они и раньше часто прерывали работу — смотрели в нашу сторону и спрашивали у нас, как дела. Теперь они сложили инструменты на днище лодки и побежали к линейке.

В конце линейки Семён Семёнович и пятеро старших ребят отёсывали топорами длинное бревно, предназначенное для мачты. Они выпрямились и стали смотреть на нас. Вышла из дома начальница лагеря Вера Фёдоровна. Вышли из кухни две поварихи... В общем, на линейке собралось человек двадцать.

Над рекой висел тонкий металлический трос, который был запасён для крепления мачты и лишний моток которого завхоз позволил нам взять.

О том, как мы научились, пока подвесили его, привязав один конец к берёзе в лагере, а другой — к сосне, росшей у самого обрыва, — об этом тоже не расскажешь. Все ладони у нас горели, словно их облили кислотой. На трос был надет ржавый блок, выпрошенный Ваней в соседней МТС. К блоку на верёвках был привязан ящик, вмещающий три ведра песку. Трос шёл наклонно. Блок с ящиком должен был сам катиться от высокого берега к низкому. А для того чтобы его можно было подтягивать обратно, мы к нему привязали шпагат.

Сейчас ящик, нагруженный доверху, стоял на площадке, которую мы вытоптали в осыпи.

Демьян протяжно закричал:

— Внимáние! Во избежáние несчастного слúчая прошú сойти с путí слéдования воздушного вагóна! — Кричал он прóсто для вáжности: лю́ди на линéйке стояли далеко́ от трóса.

Демьян снял панáму и по́днял её над головóй:

— Внимáние! Старт!..

Мы с Яшей и Лóдькой налегли́ на ящик и столк-ну́ли его́ с площа́дки.

Заверещал ржа́вый блок. Тяжелённый ящик, как снаряд, пронёсся над реко́й, мелькну́л над прибре́жными куста́ми, сни́зился над линéйкой и с тако́й си́лой трéснулся там о зéмлю, что до́ски, из кото́рых он был сколо́чен, полетéли в ра́зные сто́роны.

На линéйке сначала áхнули, потóм рассмеялись.

— Придёрживать нúжно, — сказа́л Семён Семёнович.

Это бýло за полчаса́ до обе́да. А по́сле «мёртвого ча́са» весь ла́герь стоя́л у линéйки и любовáлся рабо́той трéтьего звена́. Тепéрь то́лько два челове́ка — Демьян и Лóдя — оставáлись на обрыве. Они́ бы́стро нагружа́ли четырёхведёрный бочóнок, подве́шенный вмéсто разби́того ящика, и отпра́вляли его́ в путь, приде́рживая за верёвку. Бочóнок пла́вно шёл над реко́й; дойдя́ до линéйки, задева́л дном зéмлю и ложíлся на́бок, выва́ливая треть своего́ гру́за. Ка́ждые полторы́-две мину́ты на линéйку прибывáло четы́ре ведра́ песку́.

Мы труди́лись, забыв всё на свете, а десятки зри́телей в это вре́мя ны́ли:

— Демьян, а Демьян, мо́жно я то́же бúду?

— Дава́йте сме́ним вас, уста́ли ведь... Жа́лко, да?

К ве́черу мы засы́пали песко́м всю линéйку.

На слéдующий день все звéнья и отря́ды чуть не

перессóрились из-за того, кому пёрвому рабóтать на нашей доро́ге.

На трéтий день Семён Семёнович сказа́л, что э́так ла́герь преврати́тся в пусты́ню Саха́ру. Тогда́ мы из полёна и жёсти сде́лали пти́цу, похо́жую на ястреба, и подве́сили её к бло́ку вме́сто бо́чки. «Ястреб» летёл по трóсу на ла́герь, а ребя́та обстре́ливали его́ в э́то вре́мя комка́ми сухой глы́ны и ело́выми ши́шками.

УЧИТЕЛЬ ПЛАВАНИЯ

Мы с Витей Гребневым и ещё пятнадцать ребят из школьного туристического кружка собирались отправиться в большой лодочный поход по речке Сине́й. Нам предстояло подняться вверх по течению на семьдесят километров, а потом спуститься обратно.

Грести против течения — дело нелёгкое, особенно без тренировки, но тут нам с Витей повезло. За две недели до начала похода муж моей сестры купил по случаю двухвёсельную лодку и позволил нам катать-

ся на ней, пока у него не начнётся отпуск. И вот мы с Витькой уже целую неделю тренировались в гребле.

Тренировались мы и в тот день, когда всё это произошло. Витя, в одних трусах и в огромной соломенной шляпе, привезённой мамой из Крыма, сидел на корме, правил и командовал:

— Вдох, выдох! Вдох, выдох!

Я размеренно грёб, стараясь правильно дышать и не зарывать весел в воду.

Хорошо было в тот день на речке! Солнце грело нам голые плечи и спины. Справа медленно полз назад высокий, обрывистый берег, на котором среди зелени белели домики нашей окраины. Слева берег был низкий, заболоченный. Там у самой воды, словно тысячи зелёных штыков, торчали листья осоки, за осокой тянулся луг, а за лугом виднелись ржаные поля. Иногда к нам на борт садилась отдохнуть стрекоза или бабочка, иногда из воды выскакивала рыба, словно для того, чтобы взглянуть, кто это плывёт на лодке.

Скоро мы проплыли под небольшим пешеходным мостиком. Здесь город кончился. Дальше на правом берегу зеленели огороды, а внизу, под обрывом, тянулся узкий, но очень удобный пляж с чистым жёлтым песком. По выходным дням на этом пляже собиралось много купающихся, но сейчас здесь было только два человека: Серёжа Ольховников и Женька Груздев.

Мы причалили недалеко от них, вытаскивали наполовину лодку из воды, сели на песок, а они нас так и не заметили. Оба стояли метрах в двух от берега. Долговязому Сергею вода была по грудь, а коротенькому Женьке — по горло. Оба они отплёвывались, тяжело дышали, и мокрые лица их выглядели совсем измученными.

— Ты... ты, главное, спокойней, — говорила торчащая из воды круглая Женькина голова. — Ты не колоти по воде, а под себя подгребай, под себя подгребай!

Сергей ничего не отвечал. Он только смотрел на Женьку злым левым глазом. Правый глаз его был закрыт длинным мокрым чубом, прилипшим к лицу.

— Давай! — сказал Женька. — Ещё разбёк. Главное — спокойно! Подгребай!

Сергей лёг на воду и с такой силой заколотил по ней длинными руками и ногами, что брызги полетели во все стороны метров на пять, а Женькина голова совсем исчезла в белой пене. Он, как видно, захлебывался, но продолжал выкрикивать:

— Спокойно! Не торопись! Подгребай! Под себя подгребай!

Сергей быстро пошёл ко дну. Женька хотел его поддержать, но по ошибке схватил не за руку, а за ногу. Сергей долго дергался под водой, пока Женька не разобрался, в чём дело, и не отпустил его.

Наконец они вылезли на берег. У обоих кожа была синяя и покрыта пупырышками, как у старых, обшипанных куриц. Они теперь заметили нас, но даже не поздоровались. Сергей сел на песок, охватив ноги руками и положив подбородок на колени. Женька остался стоять. Оба они тряслись и стучали зубами.

— Ду-ду-дурак! — сказал Сергей, не глядя на Женьку.

— Не па-па-па-падай духом, — ответил Женька. — Постепё-пе-пённо научись.

— По-по-по-поддохнешь от та-та-такой науки!

Витя лёг на спину и стал пригоршнями сыпать песок себе на грудь.

— Да, Серёженька, — сказа́л он, — хоро́шую шту́чку с тобо́й твой друг устро́ил!

— Уби́ть его́ ма-ма-ма́ло, та-та-тако́го дру́га!

Мы с Вите́й перегляну́лись, и я поду́мал про себ́я: «Кому́-кому́, а Вите́ке повезло́ в дру́жбе. Кто-кто, а я-то уж нико́гда не подве́ду его́, как Же́нька подве́л Серге́я».

Серге́й и Же́ня то́же собира́лись в ло́дочный похóд. Пе́ших экску́рсий и похóдов в на́шей шко́ле все́гда проводи́лось мно́го, а ло́дочный устраи́вался впервы́е. Не́чего и говори́ть, с ка́ким увлече́нием мы все к нему́ гото́вились, с ка́ким нетерпе́нием жда́ли пе́рвого ию́ля, на кото́рое был назна́чен ста́рт. Серге́й и без того́ был са́мым за́йдым тури́стом, а тут он пра́мо помеша́лся на ло́дках, на рыбо́ловных сна́стях, на все́ких там фа́рватерах, ватерли́ниях и кильва́терных коло́ннах.

Дней за де́сять до нача́ла похóда все его́ уча́стники собра́лись в пионе́рской ко́мнате. Нача́льник похóда, учи́тель геогра́фии Трофи́м Ива́нович, распределе́няя ме́жду на́ми обяза́нности, говори́л, ка́кие ве́щи ну́жно с собо́ю взять. Вдруг он приложи́л ладо́нь ко лбу́ и сказа́л:

— Да, това́рищи, о са́мом гла́вном я и забы́л! Поды́мите ру́ки, кто не уме́ет пла́вать.

Никто́ не по́днял ру́ки. Я знал, что Вита́ пла́вать не уме́ет, но, коне́чно, не ста́л его́ выдава́ть: ве́дь э́то па́хло тем, что его́ не возьму́т в похóд. А Же́нька вдруг поверну́лся к Серге́ю и гро́мко сказа́л:

— Серёжка, ну че́го ты пр́ячешься? Ты же не уме́ешь пла́вать!

В пионе́рской ко́мнате наступи́ла така́я тишина́, сло́вно там не лю́ди сиде́ли; а ста́туи. Серге́й стра́шно покрасне́л, а его́ краси́вый с горби́нкой нос побледне́л. Он так посмотре́л на Же́ньку, что у дру́-

гого бы язык отнялся, но Женька спокойно продолжал:

— Чего ты злишься, Серёжка, ну чего ты злишься? Скажешь — я плохой товарищ, раз тебя выдаю? А я тебе отвечу: если бы до начала похода осталось два дня, я бы тебя не выдал. Вот так, при Трофиме Ивановиче, и говорю. Но ведь до начала похода не два дня, а целых десять, значит ты можешь научиться плавать. Ты вот всё говоришь, что уже учился, что у тебя ничего не получается, потому что ты худой, но тяжёлый, и что у тебя удельный вес слишком большой для плавания. А я тебе отвечу: враки всё это. Спроси хоть Трофима Ивановича, хоть кого... Просто у тебя настойчивости нет. Ну и вот! И нечего тебе злиться. Чего ради я должен молчать? Случится с тобой что-нибудь — на чьей совести это дело будет? На моей!

— Евгений прав, — сказал Трофим Иванович и вынул записную книжку. — Сегодня у нас двадцатое июня. Двадцать восьмого, Сергей, зайдёшь ко мне. Отправимся на речку. И если ты к тому времени не будешь хотя бы держаться на воде, тогда уж извини, брат, отвечать за тебя я не намерен. На лодках всякое может случиться.

Все мы знали Трофима Ивановича. И все мы знали теперь, что если Серёжка не научится держаться на воде, то его в поход не возьмёт.

Когда кончилось собрание, Сергей ушёл из школы, даже не взглянув на Женьку, а тот на следующее утро явился к нему и позвал его на речку учиться плаванию. Сергей сначала и разговаривать с Женькой не хотел, но потом всё-таки пошёл за ним. С тех пор во время наших тренировок мы с Витей каждый день видели, как они мучаются. Вот и теперь мы смотрели на них и очень сочувствовали Сергею: до

начала похода осталась только неделя, а он всё ещё плывал, как топор. Витьке-то было хорошо! Он поступил в нашу школу этой осенью, и никто, кроме меня, не знал, что он не умеет плавать. Правда, после того собрания я попытался научить его, да он оказался каким-то неспособным: как ляжет на воду, так сразу зажмурит глаза, перестанет дышать — и ко дну. Мы попробовали разок-другой, потом ему надоело это дело, и он сказал:

— Хватит! Чем даром тратить время, давай лучше в гребле натренируемся. А буду я тонуть, так ты же плаваешь, как рыба, — авось вытащишь меня. Я согласился.

* * *

Женька прилёг на песок, подперев голову рукой. Сергей попрежнему сидел, положив подбородок на острые колёны. Постепенно оба они перестали дрожать, но настроение у Сергея от этого не исправилось. Он сказал, ни к кому не обращаясь:

— Я все свои деньги истратил на этот поход... литературу купил, удочки... три недели складную вершу вот с ним делал... А теперь... теперь всё прахом пошло!

— Ничего не прахом. Научись, — ответил Женька.

Сергей повернулся к нему и вдруг закричал тонким, почти плачущим голосом:

— «Научись!»! «Научись!»! Уже три дня из реки не вылезаем, а чему я научился? Чему? Воду литрами глотать, вот чему я у тебя научился!

Женька спокойно разглядывал на ладони какую-то песчинку.

— Ты, главное, духом не падай. Ещё неделя вперёд.

— «Недѣля вперёдѣ!»! «Недѣля вперёдѣ!»! — опять закричалъ Сергѣй. — Говорятъ тебѣ, что у меня организмъ такой! Не приспособленъ я къ плаванью. Какъ будто я раньше не учился!

— Выдумываешь ты всё. «Организмъ!»! — проворчалъ Женька.

Тон у него былъ такой спокойный и увѣренный, что я не выдержалъ:

— А откуда ты знаешь, что онъ выдумываетъ? Можетъ, и правда у него удѣльный вес слишкомъ большой. Смотри, какой онъ худощавый, а тяжёлый!

— Тебѣ хорошо говорить «не падай духомъ», — сказалъ Витя. — Ты такъ и такъ въ походъ пойдёшь. Подвѣлъ товарища, чтобы принципиальность свою показать, а теперь утешаетъ: «Не падай духомъ»!

Женька всталъ, отряхнулъ песокъ съ трусовъ, натянулъ на ноги старые чѣрные брюки, закатанные до коленъ, и, не надѣвъ рубашки, на ходу застѣгивая поясъ, сталъ подниматься по тропинкѣ, ведущей съ пляжа навѣрхъ.

— Обиделся! — усмехнулся Викторъ.

— Ну и пусть обижается, — сказалъ Сергѣй.

— Женька! Куда ты? — окликнулъ я.

— Домой! Сейчасъ приду!

Сергѣй лёгъ на животъ, упёрся въ песокъ локтями и вцепился пальцами въ уши.

— У меня пять лесокъ «Сатурнъ» съ крючками и поплавками и три бамбуковыхъ удильща. Если хотите — берите.

Мы ничего не отвѣтили на это.

Женькинъ домъ былъ совсемъ недалекó. Минутъ черезъ десять онъ вернулся. Онъ нёсъ длинную и толстую верёвку, свёрнутую въ кольцо. Онъ остановился надъ Сергѣемъ и сказалъ усталымъ голосомъ:

— Вставай. Пошли.

Сергѣй только голову приподнял:

— Куда ещё?

— По новому способу учиться.

— По какому ещё способу?

— У тебя на мелком месте ничего не получается: ты чуть что — ногами на дно становишься. Теперь давай на глубоком месте попробуем. Я тебя спущу на верёвке с моста, а ты старайся плавать. Как пойдёшь совсем ко дну — я тебя вытащу, потом снова ослаблю верёвку, потом снова вытащу.

— Ничего не выйдет, — сказал Сергѣй и отвернулся.

Женька подождѣл немного, потом повысил голос:

— Давай идём! Слышишь?.. Долго я над тобой буду стоять?

Тут уж мы с Виктором поддержали Женьку.

— В самом деле, Сергѣй, почему не попробовать? — сказал я. — Мне говорили, что такой способ помогает. Мой дядя по такому способу научился.

— Чудак человек! — сказал Виктор. — Последнюю надежду теряешь. А вдруг всё-таки научишься да пойдёшь в поход?

Как видно, Сергѣй не захотел распрощаться с последней надеждой. Он наконец поднялся.

Женька обмотал его грудь верёвкой, пропустив её подмышками, и завязал тройной узел на спине.

— Идём! А вы, ребята, стойте на всякий случай поближе к воде. Мало ли чего!..

Долговязый Сергѣй поплелся к мостику. Невысокий мускулистый Женька двинулся за ним, держа конец верёвки в руке. Мы с Витькой встали и подошли к воде.

Наша речка сильно разбухает от дождей. Поэтому мостик был сделан на высоких сваях. От насти-

ла до воды было по крайней мере метра два. Дойдя с Сергеем до середины моста, Женька остановился:

— Тут будем. Здесь самая глубина. Полеза́й!

Сергей посмотрел вниз, на темную воду, потолкался немного и, вздохнув так громко, что даже мы с Витькой услышали с берега, перенёс через перила сначала одну ногу, потом другую. Стоя за перилами, он снова посмотрел на воду, потом на Женьку.

— Полеза́й, полеза́й! — сказал тот.

Сергей обхватил руками свою и пополз вниз, а Женька постепенно начал вытравлять верёвку, но так, чтобы она оставалась всё время натянутой.

Вот Сергей погрузился в воду по плечи. Перегнувшись через перила, Женька наблюдал за ним.

— Дава́й плыви́! — командовал он.

Сергей забарахтался было, но как только Женька ослабил верёвку, он снова обнял свою и повис на ней, по плечи высунувшись из воды.

— Отпусти́ свою! — сказал Женька.

Сергей молчал и отплёвывался.

— Отпусти́, говорю́! Чего́ ты вцепи́лся, как рак!

Сергей отпустил и со страшной силой заколотил руками и ногами. Женька быстро оттащил его подальше от свои и закричал:

— Спокойно! Спокойно! Плавно под себя подгреба́й, плавно!

Но Сергей уже не слышал его. Он исчез под водой. Только круги пошли вокруг верёвки. Женька подождal секунд пять, надеясь, что он выплывет, затем вытащил своего ученика на поверхность.

— Отдохни́ немного, — сказал он.

Сергей отдохнул, а потом Женька снова командовал ему: «Плыви́!», и снова тот начал барахтаться, а его учитель кричать: «Спокойно! Под себя подгре-

бай!» И снова Сергей исчез под водой, и снова Женька вѣташил его, перепуганного и задыхающегося. Так повторялось много раз. Мы с Витей подбадривали с берега Сергея, подавали ему советы и, чтобы поднять его настроение, даже вѣли ему, говоря, что он с каждым разом держится на воде всё дольше. Ничего не помогло. Минут через пятнадцать Сергей таким голосом крикнул: «К чёрту! Не могу больше!», что Женька тут же подтащил его к свѣе и помог забраться на мост.

Они вернулись на берег. Сергей опять весь посинел и покрылся пупырышками.

— К чо-чо-чо-чёрту всё это плаванье! К чо-чо-чо-чёрту весь этот по-по-ход! — сказал он и стал быстро ходить по пляжу, чтобы согреться.

Женька сел на песок. Он весь блестел от пота, и вид у него был такой усталый, что ни я, ни Витя больше не решились его бранить.

— Не на-на-надо мне никакого по-похода! — повторил Сергей, проходя мимо нас.

Мы посмотрели ему вслед. Витка негромко сказал:

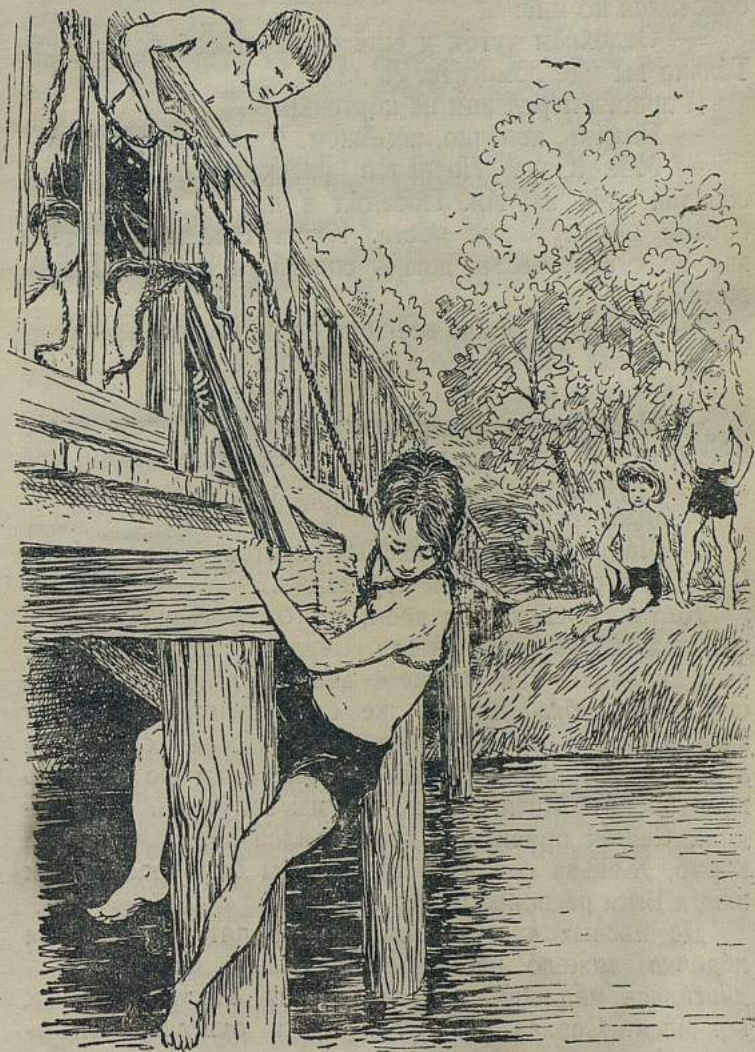
— Сейчас говорит «не надо», а как будет старт — заболѣет с горя.

— Конечно, — ответил я. — Во всех наших путешествиях он самый активный был. А тут другие пойдут, а он будет дома сидеть.

Женька машинально сгребал руками песок, строил из него пирамиду.

— А я, думаете, пойду, если Сергея не возьмут? — сказал он, не поднимая головы. — Думаете, у меня совести нет?

Скоро Витя отошел от нас и принялся вычерпывать консервной банкой воду из лодки. Женька о чём-то думал, поглядывая то на лодку, то на ушедшего в

другой конец пляжа Сергея. Вдруг он, понизив голос, обратился ко мне:

— Отдохнём чуток и ещё один способ попробуем. Только вы мне помогите. Ладно?

Я присел перед ним на корточки:

— Помочь, конечно, поможем. А что за способ?

— Мне Юрка Поспелов рассказывал. Говорит, его так отец научил. Посадил в лодку, а потом выбросил на глубоком месте. Юрка стал барахтаться изо всех сил, чтобы жизнь спасти, и поплыл. Поможете?

— А если Серёжка всё-таки не поплывёт?

— Тогда мы бросимся и вытащим его.

Я подумал и возразил:

— Нет. Зачем рисковать? Давай выберем такое место, где ну хотя бы по грудь, а Сергею скажем, что здесь с ручками.

Женька согласился:

— Ладно! Против ивовых кустов такое место. Я там всю речку пешком переходил.

Договорившись обо всём, мы окликнули Сергея и предложили ему покататься. Сергей ответил, что для него «плавать на лодке — значит только зря расстраивать себя», но тут же стал помогать Виктору вычерпывать воду. Покончив с водой, они столкнули лодку и забрались в неё. Поэтому нам не удалось предупредить Витю о том, что мы задумали. Мы усадили Сергея править, я примостился рядом с ним на корме, Женька сел на весла, чтобы быть поближе к нам, а Витя расположился на носу.

До ивовых кустов было метров пятьдесят. Наша лодочка, тяжело нагруженная, сильно осевшая, подвигалась медленно против течения. Песчаный пляж кончился. Справа потянулся почти отвесный глиняный обрыв со множеством крошечных пещерок. Де-

сятки ласточек носились в этом месте над рекой, то пикируя к самой воде, то высоко взлетая. Временами какая-нибудь из них исчезала в одной из пещерок и через несколько секунд выпархивала оттуда снова.

Наконец мы добрались до такого места, где под обрывом росли кусты ивы. Их нижние ветки купались в воде. Я мигнул Женьке и, как было условлено, громко спросил:

— Женька! А что, здесь глубоко?

— У-у! — протянул он. — Тут даже я не донйриваю. Тут если утопнешь — даже багром никто не вытащит.

Сергей посмотрел на воду. Я боялся, что он увидит дно. Однако вода была довольно мутная, темная. В ней было трудно что-нибудь рассмотреть.

Мы с Женькой переглянулись. Он тихонько тронул мою ногу своей. Я обеими руками упёрся Сергею в плечо и толкнул его.

— Ой! Что ты делаешь! — воскликнул он и вцепился в борт.

— Хватит дурить! Вы! Перевернёмся! — сказал Витька.

Но Женька вскочил и бросился ко мне на помощь. Несколько секунд мы пытели, стараясь отцепить Серёжкины руки от борта. Тот что-то испуганно выкрикивал и брыкался. Вдруг он укусил меня за локоть. Тогда я отклонился в сторону и всем корпусом что было силы двинул Серёжку в бок...

Раздался крик. Я почувствовал, что куда-то лечу, потом вокруг меня зашумела вода.

Окунувшись, я стал ногами на дно. Вода была мне по самый подбородок. Через секунду в метре от меня показалась Женькина голова. Ему уже приходилось двигать руками, чтобы не захлебнуться.

— Где Серёжка? Серёжки нет! — сказа́л он и нырну́л.

Я огляну́лся и не уви́дел ни Витьки, ни Серге́я. То́лько ло́дка пла́вала кве́рху ќилем да Витькина соло́менная шля́па. Я то́же момен́тально нырну́л.

Я уви́дел гла́дкий песо́к, ре́дкие ку́стики каки́х-то во́дорослей да Же́ньку, проплывше́го ми́мо меня́, сло́вно о́громная лягу́шка. И бо́льше ниче́го и ни́кого!

Мы вынырнули одновре́менно друг про́тив дру́га. Лицо́ у Же́ньки бы́ло се́рого цвёта.

— Серёжки нет... Серёжка уто́п! — сказа́л он хри́пло.

— И Витьки нет! — отве́тил я, глота́я во́здух.

Мы сно́ва нырну́ли.

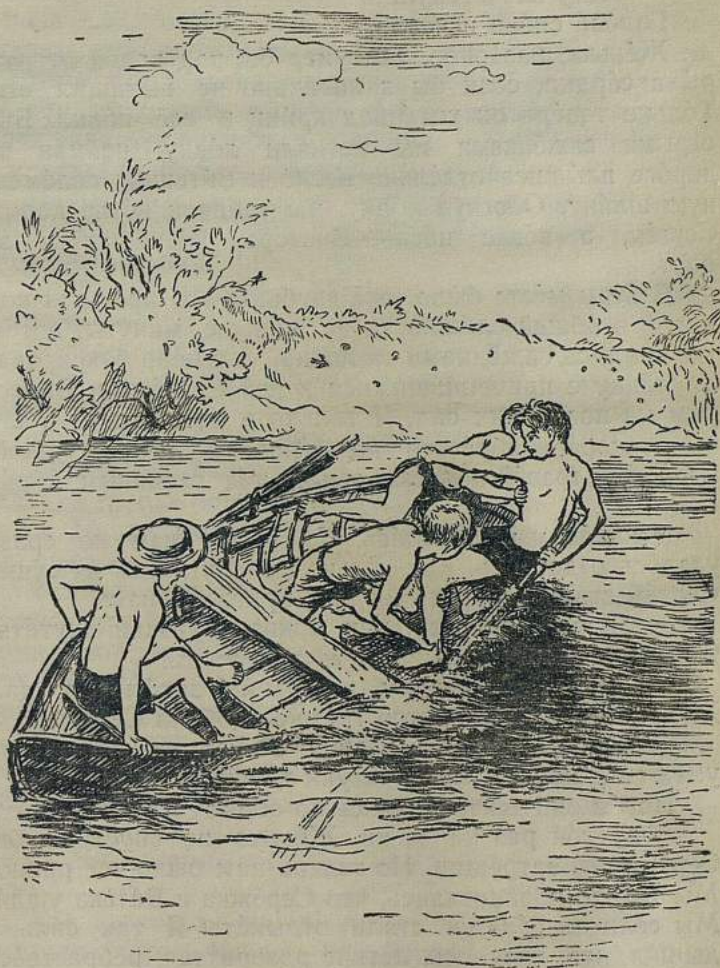
Чего́ я то́лько не передума́л за э́ти не́сколько се́кунд, пока́ был под водо́й! Ино́й раз за це́лый день сто́лько мы́слей в го́лову не войде́т: и о том, что я скажу́ Витькиным роди́телям, и о том, что е́сли бы я вы́учил его́ во-вре́мя пла́вать, всё обошло́сь бы благополучно́, и о том, что мы с ним не доде́лали фотоаппара́та под киноплёнку, и о том, что тепе́рь бу́дет с Же́нькой и с Серёжиной ма́мой, и о том, каки́м о́бразом все́-таки могли́ утону́ть два здо́ровых ма́лых в тако́м ме́сте, где водо́й им по го́рло.

Почу́вствовав, что вот-вот откро́ю рот и вздохну́, я сно́ва стал нога́ми на дно и огляде́лся. Бе́рег был пуст. Не уви́дел я ни́кого и во́зле переверну́той ло́дки. Но из-за ло́дки, кото́рая шла бо́ком к течё́нию и кото́рую отнесло́ уже́ ме́тров на два́дцать, доно́силось два испуга́нных, се́рдитых го́лоса:

— Же́нька! Воло́дька! Сюда́!

— Же́нька! Где ты там? Сюда́!

Же́нькина голова́ на се́кунду появи́лась над водо́й:

— Нѣту их! Утонѹли!!

Голова́ снова исчѣзла.

Жѣнька, навѣрное, сам умер бы под водо́й от разрыва́ сердца, е́сли бы я насильно не вы́тащил его́. То́лько тепѣрь он услы́шал кри́ки и всё по́нял. Быстрыми сажѣнками мы догна́ли ло́дку, пойма́в по доро́ге плыв́шее отде́льно весло́ и Витькину соло́менную шля́пу. Обогна́в ло́дку, мы уви́дели во́зле кормы́ Серге́я, а во́зле но́са — Ви́ктора, уцепи́вшихся за борт.

В э́том ме́сте бы́ло уже́ глубоко́. Мы про́были под водо́й в о́бщей сло́жности не ме́ньше мину́ты, пото́м мы гнали́сь сажѣнками за ло́дкой и тепѣрь букси́ровали ло́дку с прицепи́вшимися к ней Серге́ем и Ви́ктором из послѣдних сил. Я то́лько и ду́мал о том, как бы поскорѣе до́браться до бе́рега и лечь на узко́й, поро́сшей траво́й поло́ске земли́ под гли́няным обры́вом.

Наконе́ц мы добра́лись. Но и тут нам не сразу́ удало́сь отдохну́ть. Как то́лько мы очути́лись на су́ше, Серге́й стал наступáть на нас, приговáривая:

— Я вам покажѹ, как таки́е шу́точки шути́ть! Я вам покажѹ, как таки́е шу́точки шути́ть!

Он шле́пнул меня́ ладо́нью по заты́лку и дал Жѣньке по шее́, а Ви́ктор гро́мко одобря́л Серёжку:

— Так им! Дай им ещё́! Зна́ют, что лю́ди не уме́ют пла́вать, а таки́е шу́тки выки́дывают!

Пото́м онѣ вскара́бкались по обры́ву и ушли́.

В друго́й раз ни я, ни Жѣнька не спусти́ли бы Серге́ю его́ затре́щин. Но тепѣрь нам бы́ло всё равно́. Мы то́лько обра́довались, что Серёжка и Витька ушли́. Мы се́ли на бе́рег и ста́ли отды́хать. Я так си́льно дыша́л, что, каза́лось, лёгкие разорвѹтся, рѣбра треснут. С Жѣнькой бы́ло то́ же са́мое.

На слéдующий день я зашёл к Вите, чтобы рас-
сказать ему, почему мы вчера их так выкупали, и что-
бы позвать его тренироваться в грёбле, но его не ока-
зилось дома: мать послала его в магазин. Я оставил
Вите записку, в которой сообщал, что буду ждать его
у мостика на пляже, и отправился туда.

На пляже я увидел ту же картину, что и вчера.
По грудь в воде стоял Сергей, а возле него торчала
Женькина голова и говорила:

— Ты не волнуйся. Ты вот так делай, вот так,
смотри!

Женька медленно проплыл около Сергея.

— А я, что ли, не так делаю? Я же так и де-
лаю!

— Значит, не так. Ну, давай! Ещё разок.

Сергей заработал всеми четырьмя конечностями, а
Женька слегка поддерживал его за живот.

— Не вынимай рук из воды! Гребь под водой!
Спокойно!

Я вышел на берег. Минуты через две сверху на
пляж спустился Витька. Я начал ему рассказывать,
почему мы вчера перевернули лодку и как мы искали
его и Сергея на дне реки. Рассказывал я долго и по-
дробно и вдруг остановился.

До сих пор мы всё время слышали, как Женька
выкрикивает своё обычное «не волнуйся», «подгре-
бай», «держи руки под водой», а тут он вдруг закры-
чал:

— Ну-ну-ну-ну-ну! Ну, ещё!.. Ну, так! Ну-ну-
ну-ну!

Мы взглянули на речку, но Сергея сначала не
увидели. Через секунду он высунулся из воды. Пра-
вый глаз его был закрыт мокрым чубом, левый смо-
трел на Женьку.

— Что? Проплыл? — спросил он почему-то испуганным тоном.

А Женька также испуганно ответил:

— Серёжка! Честное пионерское! Мётра полтора!

Больше Сергей ничего не сказал. Он откинул чуб, лёг на воду и, колотя по ней ногами, страшно вытаращив глаза и надув щеки, двинулся к берегу.

— Два метра! — закричал Женька. — Хочешь верь, хочешь не верь! Два метра проплыл!

Серёжка встал на ноги, причём вода была ему уже по пояс, и, словно не веря Женьке, глупо улыбаясь, спросил нас:

— Проплыл, да?

— Проплыл! Конечно, проплыл!

Женька вышел из речки и лёг на песок.

— Всё! — сказал он вздохнув. — Теперь Серёжка из речки не вылезет.

И это было верно.

Мы уже начали кричать Сергею, что он весь поси-нёл, что он зря переутомляется, что он этак может здорово простудиться, а Сергей всё барахтался, всё барахтался и с каждым разом, несмотря на усталость, всё дольше держался на воде.

— Женька! Друг! — завопил он неожиданно, выскочил на берег, обнял Женьку и начал кататься с ним по песку.

Когда Женька кое-как отбился от него, он стал один прыгать и кувыркаться. Потом он наконец уселся, стуча зубами и улыбаясь, весь облепленный песком.

— С де-де-де-девяти лет не мо-мо-мог научиться! — тархтел он. — Теперь по-по-посмотрим, Трофим Иванович! Я метров пять последний раз проплыл. Да? Отдохну — на боку попробую! Женька! Жёнечка! Друг!

И Серёжка снова бросился обнимать Женьку и катать его по песку.

Через десять минут он опять плескался в воде, то и дело спрашивая нас, сколько метров он проплыл, сколько секунд продержался на воде и что нужно делать, чтобы плыть на боку.

Женька лежал, подперев голову рукой, улыбался, помалкивал и, как видно, был очень доволен, что ему не нужно лезть в воду. Я перекликался с Сергеем, подавая ему всякие советы, и не сразу заметил, что Витьки что-то не слышно.

Я оглянулся на него. Витька сидел грустный, притихший и, покусывая поля своей соломенной шляпы, смотрел на речку.

И я догадался, о чём он думает: о том, что теперь он один из всего нашего кружка не умеет плавать, и, может быть, о том, что будь у него такой друг, как Женька, всё было бы иначе.

Я посмотрел на него, подумал и сказал, подмигнув Женьке:

— Витька! А тебе Женька говорил о проверке?

— О какой ещё проверке?

— Ну, о том, что Трофим Иванович собирается перед походом всех по плаванью проверить.

— Врёшь?!

— Не веришь? Спроси Женьку. Это он мне сам сказал.

И я снова подмигнул Женьке.

— Ага, — отозвался тот. — Двадцать восьмого в двенадцать ноль-ноль будет проверка. Мне вчера Трофим Иванович говорил.

— Вот так штука! — Витька помолчал немного, посмотрел на меня, на Женьку. Вдруг он повеселел и вскочил на ноги. — Ну что ж! Учиться так учиться!

Женька, помо́жешь, а? А то меня́ Влади́мир про́бовал учи́ть, но ниче́го не вы́шло.

Женька не сразу́ отве́тил. Он поче́ртил па́льцем на песке́, нашёл в нём полови́нку раку́шки, посмотре́л её, отбро́сил и наконёц, вздохну́в, ме́дленно подня́лся.

— Дава́й. Иди́, — сказа́л он уста́лым го́лосом. — Ты, гла́вное, споко́йно: не суети́сь и подгреба́й под себя́.

Ви́тька научи́лся быстрее́ Серге́я. Он поплы́л на сле́дующий де́нь.

— 1924

СОДЕРЖАНИЕ

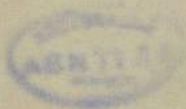
Невѣданная птица	3 ✓
«Человѣк без нервов»	27
Песок	44
Учитель плаванія	59

40067-

Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР просит учителей нерусских школ сообщить свои отзывы об этой книге по адресу: Москва 47, ул. Горького, 43, Дом детской книги.

— 742014

100 =

Цена 90 коп.

ДЛЯ СЕМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ

Ответственный редактор Г. Каримова. Художественный редактор О. Демидова.
Технический редактор Т. Добровольнова. Корректоры А. Вранья и
Р. Мишелевич. Сдано в набор 4/IV 1951 г. Подписано к печати 8/VIII 1951 г.
Формат $60 \times 84 \frac{1}{16} = 2,625$ бум. — 4,793 п. л. (3,49 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз.
A06824. Заказ № 2424.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцеский зал, 49